

ОУИ НБ МГУ №1481-2

О жизни в плену у немцев, работе переводчиком, побегах и вербовке генерала Власова

<https://oralhistory.ru/talks/orh-1481-2>

🎙 3 ноября 2012

Собеседник

Влодавец Игорь Николаевич

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 3 ноября 2012 и опубликована 10 октября 2016.

Введение

Химик Игорь Влодавец подробно рассказывает о том, как служил начальником химических войск в бригаде во время Второй мировой войны, о конфликтах с начальством, о том, как попал в плен к немцам и сумел выжить в нем.

В воспоминаниях много бытовых подробностей, примеров человеческих взаимоотношений на войне, описаний характеров немцев и русских — от высших чинов до простых солдат. Влодавец вспоминает, как агитировал вступать в свою армию генерал Андрей Власов, как немцы-коммунисты помогли бежать русским из лагерей и о психологических трудностях в работе переводчиком. Это продолжение четвертой беседы; первая часть — <https://oralhistory.ru/talks/orh-1481-1>.

Николай Александрович Формозов: Мы остановились на том, как вас везли на фронт через Туркмению, через Каспийское море, и в Баку Вы пошли в кино. Давайте с этой точки начнем рассказ дальше¹.

¹ Предыдущая беседа — <http://oralhistory.ru/talks/orh-1478>

Игорь Николаевич Влодавец: В Баку я встретил своего приятеля по Ленинграду Костю Сергеева, лейтенанта флота. Просто на улице встретил, такая неожиданная встреча. Оказывается, он был мобилизован и служил в Каспийской флотилии. Потом прибыл в Армавир... Там провел несколько недель, это был март 1942 года. Пребывание в резерве — не очень приятное занятие, потому что не ясно, кто ты такой, что можно делать, чего нельзя. Жили мы на казарменном положении, проходили у нас занятия, уставы долбили, как всегда, иногда занимались строевой подготовкой. (*Смеется.*) Все-таки Армавир — довольно большой город. Помню, там были гастроли Ростовской музкомедии, с удовольствием ходили смотреть, оперетту какую-то показывали, я уж забыл, какую. Смотрели, слушали оперетту. Оттуда меня направили на стажировку в Ставрополь, в 6-й отдельный запасный батальон противохимической защиты, где мне пришлось командовать взводом калмыков — взвод был укомплектован исключительно калмыками, там же Калмыкия недалеко. Я проводил с ними занятия по тактике. Калмыки у меня были сообразительные, недаром Кирсан Илюмжинов² считается гроссмейстером номер один в шахматном мире! (*Смеется*)

² Кирсан Николаевич Илюмжинов (р. 1962) — чиновник, первый президент Республики Калмыкия (1993—2005), первый глава Республики Калмыкия (2005—2010), президент Международной шахматной федерации (с 1995).

Н.Ф.: (*Смеется*) Не совсем гроссмейстером номер один, бизнесменом номер один среди шахматистов!

И.В.: Взвод размещался в здании Краеведческого музея в Ставрополе, там большой Краеведческий музей. У входа стояли каменные бабы подлиннее, а под лестницей — нары, на которых взвод размещался.

Н.Ф.: Сколько человек было во взводе?

И.В.: Не помню, человек тридцать или сорок.

Н.Ф.: Такая большая лестница, что там умещалось тридцать-сорок...

И.В.: Вот умещались они как-то.

Н.Ф.: Вы с ними были?

И.В.: Нет, у нас было другое общежитие.

Н.Ф.: Командного состава, да?

И.В.: Командного состава. Тоже не очень хорошо оборудованное, там были кровати с сетками двухэтажные. По-моему, недалеко от здания госбезопасности. Мне чудится, что приезжал инженер из Днепропетровска по фамилии Брежнев. Немножко побыл, жаловался, что он инженер Днепропетровского, по-моему, металлургического завода.

Н.Ф.: Леонид Ильич шел как политрук, он же политработником был.

И.В.: Да, он вполне мог оказаться там временно. Пробыл что-то такое несколько дней. Ему очень не понравилось наше общежитие, и куда-то его перевели в другое место. (*Смеется.*)

Н.Ф.: А этот человек из Днепропетровска был похож на Брежнева? Потому что его молодые фотографии известны, военного времени.

И.В.: Сличать, конечно, мне не приходилось. Но фамилия его была Брежнев. Это недостоверный факт, не думаю, что его стоит где-то упоминать и расследовать даже, потому что установить ничего нельзя. Мог он быть и в Ставрополе, мало ли. На Кавказе он был точно. Потом, уже в Карпатах я был, и там на каком-то перевале, помню, Брежнев оборону занимал. Не знаю.

Возможно, и мне приходилось жаловаться кому-то из тамошнего командования, что трудно калмыкам объяснить, как различать отравляющие вещества. Это макеты знаменитые с пробирками, там нужно нюхать: одни пахнут чесноком, другие еще чем-то, горчицей иприт пахнет. Я им даю пробирки нюхать, спрашиваю: «Чем пахнет?». А мне отвечают: «Каролином». Что такое «каролин», я не знаю. (*Смеется.*) Только через некоторое время я узнал, что единственное химическое снадобье, широко известное калмыкам, это креолин, некая смесь вроде карболки, смесь фенолов, не очень хорошо очищенных, которыми обрабатывают овец от насекомых: их пропускают через раствор креолина, чтобы продезинфицировать. И вот поскольку единственная химия — это креолин, который они переименовали в «каролин» — почему-то, неправильно произносили, — любая химия для них пахла «каролином».

Я был командиром взвода, или исполняющим обязанности, как стажер. Но были там у них свои командиры отделений, тоже калмыки, обычно это были ребята постарше, более уважаемые, солидные, члены партии. Но тем не менее решено было в помощь стажировавшимся командирам взводов придать еще и опытных младших командиров, и нам в помощь прислали русских сержантов. В каждый взвод трех или четырех сержантов придали, которые были на странном положении: вроде как есть уже командиры отделений, а тут еще сержанты на правах командиров отделений, и их команды нужно было слушать бедным калмыкам в первую очередь, что им не очень нравилось, приятней все-таки слушать команды своего брата-калмыка. Так или иначе, как-то нужно было наладить отношения между этим сложным коллективом, и кое-как это вроде удалось. Но тут все это кончилось плачевно для меня. Однажды (это было на территории нашей воинской части) от КПП идет взвод, и ведет его один из этих русских сержантов. Увидев меня, скомандовали как полагается: «Взвод, смирно! Равнение направо!» И так далее. Подскочил ко мне: «Товарищ лейтенант, взвод шествует из бани». Я скомандовал: «Вольно!» — поздравил с легким паром или что-то в этом духе. После команды «Вольно!» этот сержант обнял меня, двое других тоже подскочили, стали обнимать и выказывать удовольствие какое-то. И в этот момент я слышу за моей спиной голос: «Товарищ лейтенант!

Ко мне!». Майор, по-моему. Я подбегаю. «В чем дело? Почему такое панибратство в вашем взводе, что за безобразия? Неужели вы не понимаете, что нельзя допускать панибратства с младшими командирами и рядовыми! Вы отстраняетесь от командования! Пошлем вас немедленно на фронт, будете командовать взводом ранцевых огнеметов!». Это те самые коварные огнеметы, которые то работают, то не работают, я, по-моему, об этом упоминал.

Н.Ф.: Нет. А где вы с ними познакомились, с огнеметами?

И.В.: Перед этим я четыре месяца в Академии химзащиты учился, и там мы занимались и с этими огнеметами. Была у нас такая дисциплина МЧХО — материальная часть химического оружия, где мы химические танки изучали, и огнеметные танки специальные были, и ранцевые огнеметы, и практику проходили. Это было в Самарканде.

Н.Ф.: Академию химзащиты ведь вскоре после этого перевели обратно в Москву, да?

И.В.: Да.

Н.Ф.: Я так понимаю, что зимой 1942–43-го она уже была в Москве?

И.В.: Я точно не знаю, когда она была переведена. Не знаю. Но была переведена.

Н.Ф.: В начале 1943-го, мне знакомый рассказывал, он уже в Москве проходил курсы переподготовки в Академии химзащиты.

И.В.: Да, наверное. Может быть. Я потом в академии как офицер запаса проходил сборы время от времени, уже после войны. И даже постепенно получал по результатам этих сборов... к ним не очень серьезно обычно относятся, но я на полном серьезе (*смеется*), очевидно, старался, поэтому мне повышение присвоили: старшего лейтенанта, капитана. Потом уволили вчистую уже, в отставку. И что самое удивительное — уже будучи в отставке я получил известие о том, что меня повысили в звании, присвоили майора в отставке. Как это может быть и что это такое, я до сих пор не очень отчетливо понимаю. Предлагалось зайти в военкомат и оформить документы, но я уже поленился. (*Смеется*). Зачем? Раз я в отставке, значит, в отставке, никакие военкоматы уже надо мной не властны.

Н.Ф.: Значит, вам сказали, что вы отправитесь на фронт командовать взводом ранцевых огнеметчиков.

И.В.: Не взводом, отделением. Взводов не было, но отделения такие существовали.

” Нас, химиков, пугали этими огнеметами, потому что огнеметчики — это были смертники. Их главная задача была с помощью этого ранцевого огнемета подобраться как можно ближе к вражескому доту и направить струю пламени так, чтобы выжечь гарнизон этого дота.

Направлять можно было только в амбразуру. Но в амбразуре-то пулемет, так что подобраться к пулемету было практически невозможно, с одной стороны; с другой — огнемет очень часто отказывал. Там, когда нажимаешь курок, проскакивает искра от батарейки, и эта искра поджигает струю, она, по-моему, на 15 метров всего простирается. Внешне очень, конечно, эффектно выглядит, когда она горит, а когда не горит, то выглядит очень разочаровывающе струя из керосина (огнесмесь — это главным образом керосин), которая лется в этот самый дот, и ничего этому доту, конечно, не делается. (*Смеется*). Поэтому вот так меня напугали.

Тем не менее меня тут же отстранили от командования взводом калмыков, и те были удивлены всем этим, а дальше я уж ничего не знаю. Было приказано собрать вещички и направиться в город Ейск, в распоряжение капитана Папченко.

На фронте

Прибыл я в Ейск в распоряжение капитана Папченко, который формировал 1167-й пушечный артиллерийский полк резерва главного командования. А меня в Академии химзащиты когда выпускали, там аттестация была, на какую должность я готов. Воинское звание присвоено было лейтенанта химических войск, а должность — начхимбриг: начальник химических войск отдельной бригады. Бригада — это имелась в виду отдельная воинская часть. Это мог быть батальон, полк, могла быть и дивизия. Мне достался формирующийся 1167-й пушечный артиллерийский полк. Там же, в Ейске, одновременно формировался другой полк, 1168-й. И там мой коллега по Академии химзащиты, Коля Тимофеев, тоже был назначен на должность начальника химической службы. Мы примерно одинаковую подготовку имели, Академию химзащиты, я с ним по Самарканду был знаком, и тут тоже часто встречались и обменивались опытом. В процессе формирования начальнику химической службы делать было нечего, послали меня в командировку за химическим имуществом. Поехал я в Армавир, дали мне в помощь сержанта одного, и мы с ним там целый вагон нагрузили: противогазы, бутылки с огнесмесью (считалось, что это хорошее средство борьбы с танками, поэтому его тоже относили к химическому имуществу).

Н.Ф.: Это правда, что огнесмесь придумал Ребиндер?

И.В.: Он придумал вариант огнесмеси, сейчас скажу, что он придумал. Один из вариантов добавки к этой смеси был разработан им, за что он, собственно, и получил орден Отечественной войны второй степени, кроме всего прочего. Авторское свидетельство, по-моему, у него было. Добавки для загущения смеси, которые позволяли более эффективно ее использовать в огнеметах. И не только в огнеметах, в бутылках тоже.

Н.Ф.: Коктейлем Молотова называли потом.

И.В.: Это немцы придумали название такое издевательское, мне оно не нравится.

Н.Ф.: Сейчас у нас в газетах пишут вполне спокойно: коктейль Молотова, придумал Ребиндер. Я читал в википедии.

И.В.: Да-да.

Н.Ф.: Вернемся к вашей военной истории.

И.В.: Была у меня первая часть деятельности в должности уже начальника химической службы. Жил я там на квартире какой-то частной, в Ейске. На Ейск часто налетали немецкие самолеты, пытались наши истребители им противостоять, но довольно слабо, неудачно, мне помнится. Во время воздушных тревог поднимались истребители в небо, но бомбардировщики отбомбят и улетят спокойно, а истребители как-то догнать их даже не могли. Помнится, я как раз приехал из командировки, и тут же на станции налет был, я еще не успел разгрузить.

” Неприятно, когда бомба падает в нескольких десятках метров от тебя и, кстати, не всегда сразу взрывается, а взрывается замедленно. Я лежу на земле, бомба просвистела, упала — все, тихо, взрыва нет. Поднимаюсь, встаю, и тут взрыв. Я снова падаю.

(*Смеется.*) Вот так вот. Так или иначе, в этом полку потом мне пришлось проводить занятия с командным составом по противогазам, по другим средствам защиты. Папченко, капитан, примерно месяц занимался формированием полка, потом на его место прислали настоящего командира, к сожалению, фамилия вылетела у меня из головы. Не помню фамилию. Помню только, приходил, интересовался, как проводятся занятия по противогазам. Проверял. Давал команду: «Газы!», проверял, как надет противогаз. Давал вводную, подошел к одному из слушателей, а у меня все слушатели были командиры подразделений. Давал вводную: «Осколок снаряда перебил вам трубку противогаза. Ваши действия». Я своим слушателям не говорил, что нужно делать. (*Смеется.*) Но тот командир, которого проверял наш новый командир полка, оказался сообразительным, тут же сказал: «Я отвинчиваю противогазную коробку, удаляю порванную трубку и привинчиваю без трубки непосредственно к маске противогазной». Тот остался удовлетворен.

Химическая тревога

Через некоторое время нас направили на фронт. Мы марш совершили из Ейска в станицу... как же она называлась... В общем, на Таманский полуостров, недалеко от Тамани, описанной Лермонтовым. Разместился наш полк на территории Кавказа, а напротив Керчь, Керченский пролив, там еще коса Чушка так называемая, это тоже часть Кавказского побережья, такая полоса в заливе. И виден Крым, а в Крыму немцы. Время от времени артиллерийские дуэли происходили, конечно. Немцы пристреливались по заливчику за косой Чушка. Я ходил купаться, и вдруг артиллерийский обстрел, фонтаны снаряды создают высокие...

Н.Ф.: А пролив какой ширины Керченский?

И.В.: Не помню, несколько километров.

Н.Ф.: То есть далеко довольно, да?

И.В.: Да. Станица Запорожская, по-моему, она называлась. И тут у меня возник конфликт с новым комиссаром полка. Тот старался внешне походить чем-то на фурмановского комиссара. (*Смеется.*) Конфликт произошел такой. На косе Чушка какая-то часть расположилась, относящаяся к морской пехоте, рота, батальон, не знаю, может, еще меньшая часть. Там тоже был свой начхим, который однажды заподозрил, что немцы ведут обстрел косы химическими снарядами, и объявил химическую тревогу. И более того, послал целую делегацию своих химинструкторов, чтобы они сообщили воинской части, находящейся на Таманском полуострове, в частности, нашему артиллерийскому полку, который там держал оборону, что немцы применяют химические снаряды. Они на катере приплыли к берегу, нашли командира батареи и сказали ему, вот, дескать, немцы обстреливают косу Чушка химическими снарядами, могут обстреливать и вас тоже, объявляйте химическую тревогу. Об этом сообщили мне, я сказал, что объявлять химическую тревогу можно только тогда, когда есть явные доказательства того, что применяется химическое оружие. Это слишком ответственное дело, до сих пор в войне объективно не было засвидетельствовано применения немцами химического оружия, поэтому брать на себя такую ответственность, объявлять химическую тревогу, не имея вещественных доказательств, я не могу.

На передовой, в дивизионе, который окопался на самом крайнем берегу Таманского полуострова, были батареи артиллерийские, позиции артиллерийские там созданы были. Там были мои химинструкторы, в каждом дивизионе был свой химинструктор, которые подчинялись по специальной линии мне, других у меня не было подчиненных. Химинструкторы и еще химмастер в мастерской, который занимался ремонтом противогазов. Начальником у меня по уставам был командир полка, естественно. Что касается комиссара, то мне было неясно, потому что ни в каких уставах не было написано, подчиняюсь я комиссару или нет. Фактически, конечно, должен был подчиняться.

Через некоторое время ко мне очень грозно обратился комиссар: «Почему вы не объявляете химическую тревогу?». Я говорю, что химическую тревогу в сложившихся обстоятельствах объявлять по указанию каких-то людей из соседней воинской части, которые якобы подверглись химическому нападению, я не имею права, потому что на нашу часть никаких признаков химического нападения нету, и никаких доказательств того, что химическое оружие немцы применяют, нету. Он был страшно недоволен этим, комиссар. Кроме того еще у начхимов такая должность была, что вроде как ему и делать-то нечего, единственное занятие нашли — проводить занятия по химическому оружию с комсоставом, но комсоставам и без меня дел хватало. И даже была такая прибаутка: «Кому живется весело, вольготно на Руси? Начфин говорит: «Начхиму», начхим говорит: «Начфину».

На самом деле, даже возникла такая ситуация: начхиму по уставу, или по штатному расписанию, положено было личное оружие — пистолет, не помню, то ли Токарева, то ли Макарова, обычный пистолет. Но пистолетов в части не было. Я ездил

за вооружением, но пистолетов нам не дали: не было, очевидно, и в штабе фронта.

” Наш командир полка распорядился: комсоставу, кому положено иметь пистолеты, выдать по одной ручной гранате.

И мне тоже выдали гранату. У меня ремень был довольно хилый на гимнастерке, поэтому я привязал ее на веревочке к этому ремню (полагается, вообще-то, ее за ремень затыкать, приторачивать, а я ее на веревочке привязал). Очень неудобно: когда идешь, по ногам колотится эта граната. А тут ко мне пристал начфин Ионов. Ему единственному из комсостава достался пистолет, решили, что начфину нужен пистолет, он должен охранять кассу полка. В его распоряжении несгораемый шкаф, в котором все финансы, денежное довольствие, которое полагается. Распределяет его начфин и он его хранит. Начфин наш очень горд был тем, что ему пистолет сохранили, а у остальных нет ни у кого пистолета, хотя мы проводили занятия с пистолетами, стрельбы. У меня вроде удачно получалась стрельба по мишеням. Потом этот Ионов начал ко мне приставать, дескать: «Слушай, чего ты с этой гранатой ходишь? Давай пойдем глушить рыбу гранатой». Очень ему хотелось попробовать. Я говорю: «Не положено вроде глушить рыбу гранатой». — «Ну дай мне эту гранату», — несколько раз он приставал. Я на всякий случай выждал, когда он ко мне стал приставать с этим в присутствии командира полка. Думаю, тот-то должен вмешаться. Я ему сказал, мол, тут командир полка, а он опять...

Н.Ф.: Это комиссар Ионов?

И.В.: Нет, Ионов не комиссар, он начфин. Начальник финансовой службы. Я ему дал эту гранату: «На, пожалуйста». Командир поглядел на это зрелище, сказал: «Ох, наччим, зря ты отдал начфину гранату, ведь встретишь здорового рыжего фрица, он тебя голыми руками задушит». Тем не менее не стал требовать, чтобы я вернул себе гранату. Так эту гранату я и отдал.

И тут получил наш полк приказ о передислокации, и мы маршем направились на Таманский полуостров. Некоторое время там держали оборону, потом произошла эта история, когда я отказался объявлять химическую тревогу. Тогда наш полк подчинился, наверное, только фронтовому начальству, теперь его передали 17-му или 14-му (забыл точный номер) Кубанско-донскому казачьему корпусу, которому была доверена оборона южного побережья Азовского моря. Перевели нас поближе к Ейску, в район станицы Должанская. Я поехал представляться новому начальству, поскольку по химической линии я подчинялся начальнику химической службы корпуса или дивизии, к которой приписан наш полк. Штаб этот в разных местах бывал, но тогда располагался в станице Староминская. Я туда съездил. Тамешний наччим рыбу ловил в это время. (Смеется.) С удочкой, без гранаты. Мы с ним обменялись опытом. Я ему рассказал об этом случае с комиссаром, он спохватился, сказал: «А знаешь, как раз на днях прибыл приказ по войскам». Приказ был именно о том, чтобы химическую тревогу объявлять только в том случае, если имеются вещественные доказательства химического нападения. Были случаи, когда начальники химических служб, не проверив, не представив ни осколков снарядов, по которым можно было бы установить, что это действительно химический снаряд, не проведя химических анализов жидких отравляющих веществ, если такие были, или газообразных веществ, объявляли химическую тревогу. Это было признано недопустимым. Ну и ссылались, кстати, на этот случай с косой Чушка. На то, что тамешний начальник химической службы, не разобравшись, когда его позиции были обстреляны немецкой артиллерией, ошибочно обстрел обычными снарядами принял за обстрел химическими снарядами, и, не представив доказательств, объявил химическую тревогу. Я ознакомился с приказом, остался очень доволен. Когда вернулся в часть, по-моему, нашему комиссару об этом доложил. А тот был, в свою очередь, очень недоволен тем, что я оказался прав (смеется) и что высшее командование, оно...

Н.Ф.: Вас поддержало.

И.В.: ...подтвердило мою точку зрения.

Законы войны

Так или иначе, тут еще получилась история. Я что-то забыл, как же это получилось. Ага! Вспомнил, как дальше. Мы были возле Должанской станицы, а потом наш полк перебросили... Как же эта станица называлась?.. Забыл. В общем, тоже на реке Ея.

Н.Ф.: Потом вспомнится, может быть.

И.В.: Да. Но в это время немцы начали интенсивное наступление севернее, в районе Манычского канала. И тут заняли северный берег Ея, подошли какие-то части. Строго говоря, не немецкие даже, а румынская часть какая-то заняла северный берег Ея. А на южном берегу наши части держали оборону. Наш артиллерийский полк тоже огневые позиции занял. Командир полка рассказывал при мне, что наши разведчики поймали одного языка. На тот берег переправлялись. Поймали одного румына... Наш командир сам допрашивал этого румына. Он говорит: «Румын этот клялся и божился, что его насильно в армию призвали, что он пролетарского происхождения, очень сочувствует коммунистам, что он готов был бы перебежать на нашу сторону».

” Но наш командир сказал, дескать: «Что ж ты, сочувствуешь вроде коммунистам, а пришел к нам с оружием в руках, стрелять в своих единомышленников – коммунистов. Как мы можем тебе верить?». И сказал: «Копай могилу себе».

Н.Ф.: Это какое время?

И.В.: Это был 1942 год.

Н.Ф.: Осень.

И.В.: Нет, не осень. Это было еще лето, то ли последние числа июля, то ли первые числа августа.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Он это рассказывал при мне, говорит, румын выкопал могилу, его тут же расстреляли и похоронили в этой могиле.

На меня произвела впечатление такая неоправданная жестокость. Человек клялся-божился, что сочувствует коммунистам, Красной Армии, а его расстреляли.

А командир объяснил, дескать: «Железная жестокая необходимость войны. Можно было отправить этого языка в распоряжение вышестоящего командования, но для этого я должен был кого-то послать в качестве конвоира. А мне не с кем было его отправить. Ну не с кем. Поэтому пришлось... Единственное, что я мог сделать...»

Н.Ф.: Вы спрашивали его, да?

И.В.: Нет, я ничего не спрашивал, но он, видимо, хотел дать понять, каковы законы войны. Немцы вели агитацию разными способами, в частности, по радио. Естественно, у начальников служб, их немного в полку, это отдельная группа комсостава, близкие проблемы. Поэтому друг с другом старались общаться, поддерживать. Начальник связи, лейтенант Кузьминых, уже побывал на фронте. Он мне однажды демонстрировал немецкое радио, которое вело, естественно, антисоветскую агитацию среди наших солдат. Они что-то такое говорили, что «большевики сейчас уже смазывают пятки салом», бегут в панике. Призывали сдаваться в плен. Говорили, что пароль — «Штык в землю» — и любой немецкий солдат тотчас отведет к немецкому командиру, и вас там тепло примут. В таком духе была агитация. Мы считали, что немцы зря пытаются сбить с толку наших солдат, что никто им не поверит...

Умереть как коммунист

Наш штаб находился на одном берегу реки Еи и огневые позиции артиллерии; румынская (а мы считали, что и немецкая) артиллерия была на другом берегу. Нас обстреливали. Начальника химической службы разрешилось использовать (нас еще в Академии хим. защиты предупреждали) и реально использовали в качестве военных резервов, что ли, в двух случаях: либо в качестве офицера связи, когда нужно решение командования передать в какую-то часть. Его командируют с подробными объяснениями, устно должен сообщить план главного командования, разъяснить. Но это редкий случай. Либо, главным образом, — в качестве оперативного дежурного по штабу. Начнем время от времени должен был дежурить. Другого, обычно еще какого-то начальника службы используют для этой же цели. Посменно. Одни сутки, допустим, один начнем оперативный дежурный по штабу, другие сутки — начальник артснабжения. Я дежурил по штабу. Обязанности и права дежурного мне до сих пор не очень ясны, но ясно было, что в случае чего я должен немедленно докладывать командованию о сложившейся ситуации, а в отсутствие командования сам принимать решение, и меня должны были слушаться.

Однажды получилось так, что мы ожидали приказа на отход. Наши войска отходили в юго-восточном направлении. Нужно было ждать условный сигнал, который нам должны были сообщить по радио. Я командовал радистами.

Н.Ф.: Это конец августа?

И.В.: Нет, конец июля — начало августа. Первые числа августа. Наверное, это было 4-е число, так я себе представляю. Нужно было по радио слушать условный сигнал. Какая-то фраза, забыл какая. Какую-то фразу должны были передать по радио. Я как дежурный по штабу приготовился эти вести слушать. Заодно начальник караула, который охраняет штаб, предложил: «Товарищ лейтенант, вы бы провели проверку несения караульной службы и расписались бы в ведомости, что провели проверку».

Была уже ночь, нужно было обходить посты, которые были расставлены вокруг нашего штаба. Штаб помещался в помещении школы. Я проверял как полагается, вместе с начальником караула. Часовой кричал: «Стой, кто идет?» — ответ начальника караула: «Начальник ко мне, остальные на месте». Потом меня подзывают. В общем, вся эта процедура по уставу проходила. Проверил я посты. Потом мне кто-то сказал, что комиссар собирается в часть.

Н.Ф.: Тот самый?..

И.В.: Тот самый, с которым у меня конфликт возник. Ну, я подумал, что, если комиссар приедет, что делать оперативному дежурному? Наверное, дать команду: «Штаб, смирно! Товарищ военный комиссар второго ранга, штаб находится на занятиях согласно расписанию», — то есть отрапортовать. Тот должен сказать «Вольно!». Думаю, где же встречать комиссара. Уселся на ступеньках крыльца, думаю: «Как только он появится, я сразу вскочу и отрапортую».

Н.Ф.: А темно, да? Ночь?

И.В.: Ночь уже, темно. Сажу. Начинает меня ко сну морить. Слышу пулеметные очереди громкие: где-то недалеко идет бой, приближается.

Н.Ф.: А на телефоне кто?

И.В.: А на телефонах сидят радисты, связисты, начальник караула, которого я только что проверил, расписался, что несение караульной службы проверил, все нормально. И неожиданно вламывается комиссар, видит, что я сажу на ступеньках: я не успел вскочить. Он тут же решил, что я отлыниваю от службы, заорал: «Трое суток строгого ареста!» Мне. Он как комиссар, вероятно, имел право назначать до трех суток строгого ареста (*смеется*) командирам в полку. Я не успел ему отрапортовать.

А он, оказывается, был страшно разозлен, привел какого-то бойца, которого якобы уличили в дезертирстве. Он местный, его семья в какой-то станице жила, и он якобы собрался остаться с семьей, но его поймали, и этот комиссар учинил ему допрос. Я при этом присутствовал. Он сказал: «Тебя уличили, ты хотел совершить предательский поступок, остаться здесь и перейти на сторону врага. Завтра мы тебя расстреляем перед строем штабной батареи!». Он так орал на него. Вместе с комиссаром прибыли два политрука. Один из них был секретарем парторганизации полка, была такая должность. А другой — секретарь комсомольской организации. Эти политруки, очевидно, имели ко мне какое-то задание.

И когда поступила команда полку по радио, условная эта фраза, что нужно немедленно отходить, штаб должен был в установленном порядке совершать отход.

Тут эти два политрука ко мне обратились, говорят, что штаб снимается с места, твои обязанности как оперативного дежурного по штабу временно прекращаются. «Мы реквизируем подводы», — в предвидении будущего отхода. Все-таки на подводах легче отходить, чем пешком, да еще и тащить с собой имущество. Пусть его не так много, но все-таки... У меня, правда, вещмешок был на «Додже». Там все начальники служб свои вещевые мешки держали, этот грузовик был один на всех, а самим начальникам приказано было во время марша двигаться вместе со штабной батареей. Мы это считали разумным. Штабная батарея — это стрелковое подразделение, не артиллерийское. У них не было своей артиллерии. Оно выполняло такие задачи, необходимые для того чтобы обеспечить охрану артиллерийской части. Политрукам было видней. Я к ним присоединился. У них была подвода. Они меня посадили на подводу, сами сели, и мы потихоньку поехали.

Н.Ф.: А в штабе какие-то карты, документы надо было забирать?

И.В.: Этим занимались штабные работники. У каждого была своя ответственность. У меня карта была, конечно, как у начхима, по должности. Ну, я про карты мог бы отдельно...

Н.Ф.: Ну да, давайте не будем отвлекаться.

И.В.: Эти политруки стали говорить, дескать: «Слушай, а ты не член партии?» Я говорю, что нет, но комсомолец. «Знаешь, вступи-ка ты в партию».

Н.Ф.: Но вы только что трое суток ареста получили.

И.В.: Политруки это пропустили мимо ушей. Они понимали, что, собственно, никаких оснований, чтобы меня арестовывать, у комиссара не было. Неясно, были ли у него вообще такие полномочия. Каждый начальник имеет право подчиненному давать какое-то наказание. Некоторые могут только выговор объявить, допустим, некоторые могут — строгий выговор (*смеется*), некоторые могут аресты и так далее. Комиссар решил меня сразу арестовать... Но они пропустили это мимо ушей и ничего об этом не говорили.

” Они говорили: «Вступи-ка ты в партию. А для этого напиши заявление: „Прошу, в случае, если не вернусь из боя, считать меня коммунистом“».

Н.Ф.: Это их инициатива была. Им как-то это шло в зачет? Это было хорошо, что такой проявляют патриотизм бойцы и офицерский состав? Они были в этом заинтересованы?

И.В.: Каждый военный всегда имеет начальника и подчиненных. У начхима было немного подчиненных и еще меньше начальников. Начхим по штатному расписанию, по специальности распоряжается двумя химинструкторами, которые в двух дивизионах, в каждый дивизион — по одному хим. инструктору в ранге младшего командира из сержантского состава, но имеющему специальную подготовку. Еще химмастер из мастерской. Вот и все. Подчиняется начхим только командиру полка. Как быть с комиссаром, я говорил уже, неясно.

Н.Ф.: А их заинтересованность, что они вас позвали в партию, и еще такое заявление...

И.В.: Они, наверное, подчинялись комиссару полка.

Н.Ф.: И они как-то отчитывались количеством поданных заявлений?

И.В.: Не знаю. Непонятно, почему вышел приказ, что в случае, если не вернется из боя...

Н.Ф.: Боя-то не было, вы же отступали.

И.В.: Мы отступали, но это не значит, что не было боев. Бои были, артиллерийские обстрелы постоянно были.

Н.Ф.: Но вы в атаку не шли в этот момент?

И.В.: В атаку артиллерийский полк — это не положено ему. Другие виды нападения могут быть или отступления.

Н.Ф.: Я просто почему спрашиваю: я не понимаю, почему такая форма. Они могли бы честь по чести дать вам рекомендации. Почему такое заявление?

И.В.: Все правильно. Но на тот случай, если человек пропадает без вести, «прошу считать меня коммунистом», значит, можно считать, что он пропал без вести, но остается коммунистом. Я согласился с ними, сказал, что завтра напишу заявление.

Н.Ф.: Это все дело в темноте происходит?

И.В.: Это все дело происходит уже ночью. Мы едем на телеге по заданному маршруту в юго-восточном направлении. Наступило утро. Мы остановились на дневку. Тут же расположились и наш штаб, и штабная батарея, и кухня. Офицерский состав кормили обычно там же, где штабная батарея была, и там, где штаб. Отдельно кормили только командира полка, комиссара полка и начальника СМЕРШа.

Н.Ф.: Вместе они питались?

И.В.: Они вместе питались, отдельно. Тоже неподалеку, просто отдельно сидели. *(Смеется.)*

Н.Ф.: То же самое ели?

И.В.: То же самое, но отдельно. Мы пообедали, немножко отоспались. Днем не двигались, это была дневка, потому что авиация легко могла обнаружить передвижение, бомбили двигающиеся колонны. Предпочитали двигаться, начиная с вечера, и по ночам.

Н.Ф.: А вы там остановились в укрытии, в лесочке каком-то?

И.В.: Там кустарник рос. Мы в этих кустах укрылись кое-как. Тогда днем налетов не было. К вечеру политруки, которые меня сопровождали, забеспокоились, заторопились. Один говорит: «Мы вам поручение дали, вы знаете свои дела, а нам надо проверить первый дивизион, как у них выполняется приказ». Второй политрук тоже ушел. Я решил, что надо и мне проверить, я давно своих химинструкторов не видел, надо с ними побеседовать.

Дорога в плен

И направился было во второй дивизион. Мы двигались вдоль железной дороги. Железная дорога вела к станции Ленинградской, и там же находился, как мне было известно, штаб Кубанско-донского казачьего корпуса — ККК. Кубанско-донской казачий корпус — три «К». Я направился было к железнодорожному переезду, за которым, как я знал, расположился на отдых второй дивизион. Пока я туда шел, навстречу мне грузовик показался, который вез каких-то людей. Он остановился и меня останавливает: «Кто вы такой?». Люди вроде гражданские. Я свое удостоверение показываю: начальник химической службы полка. «А вы кто такие?» — «Мы партизанский отряд формируем». В это время раздались выстрелы с той стороны, откуда я шел и куда ехал грузовик. Они спрашивают меня, что за выстрелы. Я говорю: «Не знаю». Потом уже я догадался, что, скорее всего, это расстреливали несчастного дезертира, которого поймали накануне. *(Смеется.)* Дезертира, что хотел спрятаться и к своей семье прибиться, которая тут же где-то жила.

Грузовик этот поехал дальше, а я, значит, призадумался: действительно, что за выстрелы. Там, по моим соображениям, находилась штабная батарея, которую я должен был сопровождать на марше. Вижу там какое-то шевеление. Я на всякий случай укрылся за кустом и наблюдаю. Действительно, через некоторое время идет штабная батарея. Это большое подразделение, человек сто, я точно не помню, сколько их полагается. Они с автоматами, в касках, с противогазами. Идут к железнодорожному переезду.

Н.Ф.: То есть в вашем направлении?

И.В.: В моем, но немножко по другой дороге, по параллельной. Но я вижу их всех. Они проходят мимо меня, а я в кустах сижу. Я хотел было выйти и присоединиться, но решил, что неудобно выходить из кустов. Решил — пусть они пройдут, а я их потом догоню, вслед за ними пойду. Я подождал, пока батарея прошла, и устремился за ними. Иду — у железнодорожного переезда встречаю знакомого командира батареи лейтенанта Пастернака. Железнодорожник, который на переезде работает, угощает его яичницей. Лейтенант Пастернак сказал: «Хочешь — вместе со мной, с нашей батареей пойдешь на марше, а хочешь — только что штабная батарея проходила, ты ее догонишь, наверное. А мне надо подождать, мои связисты сейчас катушки сматывают. А вот сматывают катушки — и мы тоже отправимся маршем. А то иди дальше, выходи на шоссе, там ходят машины артснабжения, они тебя подвезут. Знаешь, куда надо двигаться?».

Я сказал, что знаю, хотя, честно говоря, не очень твердо запомнил, то ли мне в станицу Каневскую надо было, то ли в станицу Крыловскую. Похожие какие-то названия, обе на «К», обе станицы на реке Челбас. В общем, в юго-восточном направлении надо было продолжать двигаться. Тут еще встрял этот железнодорожник, говорит: «Идите прямо на пожар». А пожар видно отсюда было, ночь уже. Пожар был в станице Ленинградской, где находился штаб корпуса. Я подумал, что, наверное, штаб тоже начинает отход. Обычно там жгли элеваторы, склады, продовольствие, чтобы не достались наступающим немцам. И я стал ориентироваться по пожару, хороший ориентир. Я не стал дожидаться, пока лейтенант Пастернак окончит ужин, тем более что его угощал этот железнодорожник, а меня он не угощал. Не стал дожидаться, когда его связисты сматывают свои катушки. Вышел на шоссе и бросился догонять штабную батарею, которая совсем недавно проходила, я же буквально метрах в двухстах сзади нее шел, задержался только на несколько минут, с Пастернаком поговорил и опять бросился догонять. Но так и не догнал. Иду, иду, иду... Дорога вдруг разветвилась. Вижу следы от орудия, на дороге видны следы пушек.

Н.Ф.: А шоссе она была?

И.В.: Неасфальтированная дорога. Гляжу, одна — в сторону непосредственно Каневской идет, а другая — прямо к пожару, к Ленинградской. Следы от тракторов и от пушек (пушки буксировались тракторами) идут и туда и туда. Я решил идти к станице Ленинградской. Тем более мне пить захотелось в это время, все-таки ночь, иду довольно долго. Прошел я еще несколько километров, дошел до Ленинградской. В одну из хат постучался, вышла хозяйка, напоила меня водой, но ко мне отнеслась с каким-то сомнением, сказала, что несколько часов тому назад уходили последние казаки, сказали, что они последние. «После нас, — говорят, — никаких советских военных не будет». Так что на меня падало уже подозрение, что я не советский, а, допустим, переодетый немецкий разведчик. Они несколько часов тому назад отходили. От Ленинградской хорошая шоссе дорога шла.

Н.Ф.: А в какую сторону они пошли она показала?

И.В.: Все туда же, да, естественно. В направлении станицы Каневской.

Н.Ф.: А политруки на своих подводах уехали?

И.В.: На подводах, да. Они раньше поехали, а я решил, что мне тоже надо делом заняться, и хотел навестить второй дивизион. Поскольку вышел приказ об отходе, второй дивизион отошел, наверное, раньше еще, чем штабная батарея, но в том же направлении. Мне надо было догонять хотя бы штабную батарею. Иду по направлению к Каневской. Наступило утро. Вижу — опять развилка. Опять дорога на Каневскую идет, а видно, что тракторы, орудия, отошли левее немножко, приблизительно в том же направлении, но параллельно.

Н.Ф.: А у вас карта была?

И.В.: Карта была, да. Мне показалось, что в этом направлении похоже на орудия нашего полка. Не надо забывать, что тут же еще весь казачий корпус проходил, у них своя могла быть артиллерия и все что угодно. В корпусе — несколько дивизий казачьих. Проходил мимо остатков какого-то сгоревшего сооружения, свинарника, что ли. Там колхозники, женщины, копаются, поросят каких-нибудь, может, надеются найти. Они видят командира советского, который бредет неведомо куда. Я спрашиваю, дескать, не видели ли они орудия, не провозили ли их трактора. Они говорят: «Как же, провозили. Вот одно орудие где-то в километре отсюда застряло, оно и сейчас там, наверное. Идите скорее, вы, наверное, догоните их скоро». Я сказал «спасибо». Они, в свою очередь, говорят: «Что же вы нас покидаете, скоро ли вы вернетесь?». Я говорю: «Не беспокойтесь, вернемся скоро». Хотя не очень был в этом уверен, насколько это скоро будет. Пошел я, рассматриваю следы, вроде действительно похожи на наши. Более того, гляжу — валяется металлический предмет. Поднял его, рассмотрел. Сообразил, что это масляный насос, который, очевидно, везли на тракторе. Этим насосом смазку проталкивают, он со смазкой был. В артиллерии такие насосы точно используют. Явно похоже было, что наши артиллеристы проходили.

Я бросился вдогонку. В это время слышу... С правой стороны от меня, параллельно проселочной дороге, по которой я иду в юго-западном направлении, проходит полесополоса. Ширина, может, сотни метров, широкая достаточно. Там уже деревья выросли, кусты. И в это время слышу — слева раздался нехороший гул, как от передвижения большого моторизованного соединения: рев моторов автомобилей, тракторы, наверное, может быть и танки. Какое-то крупное соединение, может быть армия, может быть корпус, движется в том же направлении, но параллельно, на расстоянии нескольких километров от меня. Я насторожился. Мне пришло в голову: а вдруг неожиданно появятся поблизости немецкие части, а я тут открыто гуляю на фоне лесополосы. Я решил зайти в лесополосу, которая параллельно дороге проходит. Сделал, чтобы меня не видно было, за кустом спрятался и наблюдаю. Шум усиливается, но никого не видно. Я несколько минут так постоял, потом сам себя выругал, чего это струсил, мало ли где какой шум, они двигаются на расстоянии нескольких километров. Может, и немецкие части. Но я слишком рано от них начал прятаться. Надо двигаться и догонять.

Н.Ф.: А оружия у вас нет?

И.В.: Оружия-то у меня нет. Надо скорее догонять штабную батарею. Или хотя бы то орудие, про которое мне женщины сказали, что оно неподалеку застряло. Заодно им вернуть масляный насос, я прихватил его с собой. Что же они потеряли насос, непорядок. И тут же прекратил свое наблюдение, обругал себя за трусость, вышел на проселочную дорогу, сосредоточив все внимание на следах от тракторов и пушек. Наши точно пушки и трактор. Ну, думаю, сейчас встречу. И когда этот момент вспоминаю...

Много раз вспоминал, и каждый раз у меня в голове крутилась знаменитая песня «Не думай о мгновеньях свысока». Во время войны мгновенья могут очень многое решать. Я буквально на несколько секунд поторопился выйти из своего укрытия.

Буквально на несколько секунд. Пока я вышел на проселочную дорогу и рассматриваю следы от трактора и от орудий, поднимаю взор и вижу, что в нескольких десятках метров от меня, справа, из-за этой самой лесополосы (очевидно, там другая проселочная дорога пересекает ту, по которой я иду) и по этой дороге из-за кустов и деревьев, из-за лесополосы выезжает отряд велосипедистов. Моя первая реакция была: «Вот хорошо! — бросился вперед. — Теперь хоть не один буду». А потом меня начинают мысли... Что-то я не видел, чтобы у нас роты самокатчиков или что-то в этом духе были в районе нашего казачьего кавалерийского корпуса. Не видел такой части. Потом пригляделся — батюшки, так это же немцы!

А это рота велосипедистов, мне так показалось, что это какое-то подразделение численностью около роты: сотня или, может быть, пара сотен велосипедистов. Во главе едет легковая машина. И вся эта компания в нескольких десятках метров от меня остановилась: по-видимому, увидели меня. Что делать? Я тоже остановился. Из машины вышел немецкий офицер, подозвал двух своих бойцов, и они на велосипедах, даже не садясь в седло, а так, знаете, на педаль одной ногой, а другой ногой отталкиваясь от земли, подкатили ко мне. Что делать? Один начал меня хлопать везде: «Waffen! Waffen!» Другой ухватил меня, схватил мою пилотку, сорвал с головы и сорвал с нее красную звездочку, видимо, как сувенир. Никакого оружия они не нашли. Увидели насос — пофыркали. Я же насос нес.

Н.Ф.: Пофыркали — в смысле смеялись?

И.В.: Ну пофыркали, так сказать. Сказали: «Комт! Комт!» Подвели к офицеру. Офицер на меня поглядел. Они ему доложили, что нет у меня оружия, но явно по форме — красный командир. Он меня строго спросил: «Вы комиссар?» Я ответил, что я лейтенант.

Н.Ф.: По-немецки вы говорили?

И.В.: По-немецки он спросил автоматически, я автоматически ему по-немецки же ответил. Посадили меня на автомашину-кухню. У них кухня была на отдельной автомашине, дали конвоира — солдата с автоматом. И этот командир на легковой машине поехал вперед, указывая маршрут, а за ним вся эта рота велосипедистов. И меня, в том числе, повезли.

Я сижу на машине и думаю: «Ну, попал в историю».

Конечно, помнил, как за отсутствием возможности транспортировки наш командир полка вынужден был расправиться с пленным румыном. Думаю, что и мне, наверное, что-нибудь в этом духе предстоит.

Велосипедисты едут и впереди нашей кухни, и за кухней тоже. Проезжают какой-то хутор. Некоторые из них ставят велосипед возле ограды, перелезают через ограду, подбегают к какому-нибудь дереву с грушами или яблоками. Это уже август месяц, пятое августа, по-видимому. Натрясут, запихают себе под гимнастерку, садятся снова на велосипед и догоняют. Промышляют, одним словом. (*Смеется.*)

Я до сих пор не знаю, должен был я добраться до станции Каневская или Крыловская. Не помню. Решился этот вопрос просто: в станицу Крыловская меня немцы привезли. Привезли в какой-то двор, где уже расположился вышестоящий начальник. Это был майор. Тот тоже с вопросом ко мне первым делом: «Комиссар?». Я ему пояснил по-немецки, что я не комиссар, что я офицер. «Ах, офицер? Что вы делаете с немецкими офицерами, когда они к вам попадают в плен?» Я говорю: «Насколько мне известно, — я дипломатически стал отвечать, — мы обращаемся с немецкими пленными офицерами так, как это полагается согласно международному праву». — «Вы, наверное, все лжете. Я знаю, что немецких офицеров вы расстреливаете. Вы тоже будете расстреляны». Этот майор мне так говорит.

Ну, расстрелян, так расстрелян. Мне ничего не оставалось, кроме как пожать плечами. Дескать, я в вашей власти, делайте, что считаете нужным.

Он тут же позвал какого-то своего подчиненного, по-видимому, ефрейтора или что-то в этом духе. Тот к нему подскочил. Он ему какую-то инструкцию вполголоса дал. Ефрейтор выслушал наставления, потом — ко мне. «Комт! Комт!». Подвел меня к выходу из усадьбы. У выхода стоит легковая машина. Он сел за руль, меня посадил рядом. Я еще подумал, дескать, надо же, немцы как роскошно везут.

На допросах

По штатному расписанию начиму полка тоже полагалась легковая машина, вообще-то говоря. Он считался моторизованным, артиллерийский полк, и должна была быть легковая машина. Но легковых машин ни одной у нас в полку не было, был только «Додж» американский, полученный по ленд-лизу, где мы возили свои вещевые мешки, а сами пешочком двигались вместе со штабной батареей. Иногда удавалось подъехать на машинах с артснабжением. Но ездить на машине со снарядами, когда каждую минуту может быть налет немецких штурмовиков или бомбардировщиков и могут разбомбить эту машину, — не самое веселое дело. Но я несколько раз ездил на этих машинах артснабжения. А тут подумал, вот, дескать, немцы здорово живут. У нас — мне полагается машина, а ее нет. А тут расстреливать пленных — и то возят на легкой машине. Он меня подвез, оказывается, к штабу, наверное, батальона, которым командовал этот майор. Наверное, какие-то бумаги надо было оформить на меня.

Тут была компания немцев молодых. Сопровождавший меня ефрейтор у них спросил, куда тут доставить пленного. Они сказали: «Пока что у нас оставь, мы его посторожим». Сам он отправился в штаб, видимо, бумаги оформлять, а я стою. Ребята еще молодые, мои ровесники. Мне было 22 года, им тоже около того или, может быть, помоложе. Они с любопытством на меня поглядывают. Видят, что у меня настроение не самое радужное. Начинают даже утешать, говорить: «Что ты огорчаешься? Ну, попал в плен. Война-то еще продлится максимум две-три недели». Были довольны, что я по-немецки разговариваю. «Ага, ты, наверное, можешь быть переводчиком в команде военнопленных».

Н.Ф.: А почему они думали, что две-три недели в 1942 году?

И.В.: Они быстро передвигались по Украине, быстро наступали.

Н.Ф.: Но Ейск — это?..

И.В.: Ейск — это берег Азовского моря.

Н.Ф.: Но конец войны через две-три недели... Оптимисты.

И.В.: В это самое время они начали интенсивно наступать на Кавказ.

Н.Ф.: В общем, это они так утешали вас?

И.В.: Утешали меня, что, дескать, война продлится еще две-три недели. Сказали: «Ты по-немецки немножко разговариваешь...». На самом деле я, конечно, плохо говорил по-немецки, хотя и получал пятерки в университете. (*Смеется.*)

Но объяснить, во всяком случае, мог. Ефрейтор пришел. Получил на меня сопроводительную бумагу, и повезли меня дальше.

Н.Ф.: На той же машине?

И.В.: На той же машине. Навстречу мне в том же юго-восточном направлении двигались уже немецкие части, в том числе верблюды. Откуда они взялись — не знаю, но на верблюдах что-то доставляли. Были наши военные грузовики, на которых сохранялись надписи «Смерть немецким оккупантам» над ветровым стеклом. Сидели там наши шоферы в этих грузовиках. По-видимому, попали в плен вместе с грузовиками, и их, недолго думая, использовали по специальности. И вот навстречу

едут грузовики, на которых немцев перевозили или грузы военные. И тут же надпись «Смерть немецким оккупантам». И сидит наш шофер, а рядом с ним — немец с автоматом.

Привезли меня, уж не знаю, кажется, обратно в станицу Ленинградскую. В какое-то помещение вроде школы. Ефрейтор кому-то меня сдал, так сказать, под расписку. И я в этом пустом помещении сижу, не в классе, а в зале, что ли.

И вдруг в этот зал вваливается орава людей, все в белых рубахах. По-русски матерятся и располагаются в этом же помещении. Я удивляюсь, спрашиваю: «Вы кто такие? Пленные, что ли?». Один говорит: «Были пленные, теперь мы свободные». Другой говорит: «Да нет, мы были пленные, да». Подходит какой-то человек в форме немецкого фельдфебеля и по-русски говорит: «Да пленные-то пленные, это все рота фельджандармерии. Они, — говорит, — большинство — просто уголовники, которых мы еще под Одессой... Наша часть попала в окружение. И там я в плен попал. Но жить-то надо. Предложили мне возглавить команду, которая укомплектована бывшими заключенными, уголовниками. Тот, который с тобой разговаривал, родную сестру зарезал, и за это попал в тюрьму. А немцы захватили тюрьму и предложили заключенным вступить в немецкую фельджандармерию. А меня, военнопленного... Я был старший лейтенант...». И назвал мне свою фамилию — Берестовенко, я запомнил. Он меня спросил, кто я. Я честно сказал, что я, вот... Спросил: «Ты учился где-нибудь?». Я говорю: «Да, окончил Московский университет». — «Какой факультет?» Я говорю: «Химический». — «А я вот Киевский университет окончил, механико-математический факультет», — это говорит Берестовенко. Тоже сделался командиром, но попал в плен. И его назначили фельдфебелем отряда фельджандармерии.

Я переночевал в компании фельджандармов, под их защитой, охраной. Фельджандармы ко мне относились хорошо, предлагали: «Давай, ты соглашайся с нами, к нам попросись, тебя возьмут, пойдешь вместе с нами евреев расстреливать».

” Я говорю: «Это правда, что вы всех евреев расстреливаете?». Один говорит: «Ну, конечно, правда». Другой говорит: «Нет, неправда: некоторых расстреливаем, а некоторых просто в колодец головой». Вот такая компания.

<...> Так или иначе, побыв среди этих фельджандармов, побеседовав еще раз с этим старшим лейтенантом, нынешним фельдфебелем, Берестовенко... Он мне на прощание потом посоветовал: «Ты себя выдавай лучше за украинца. К украинцам немцы лучше относятся». Я назвал ему свою фамилию – Влодавец, которая всегда вызывает разные подозрения. «А кто вы по национальности? Может ты еврей? Тогда...»

<...> Так или иначе... Потом меня допрашивал уже немецкий офицер. Вся эта компания переехала в станицу Екатерининскую. Все были рады, что опять передвигаются куда-то... Там меня тоже пытались узнать. Потом я попал в станицу Куцевскую. Там со мной беседовал какой-то большой, видимо, немецкий начальник, генерал немецкий, потому что он свой мундир снял и принимал меня в своем генеральском кабинете. И пытался выяснить какие-нибудь интересные для военных новости. Спрашивал, например: «Правда ли, что англичане высадили десант на берегу Черного моря?». Я говорю, что правда — сарафанное радио наше такие новости сообщало. Среди населения такие слухи ходили, что якобы где-то под Краснодаром высадились то ли американские, то ли английские войска. Но мы к этим сведениями относились с большим недоверием. Так интересовались.

Проверяли меня, знаю ли отравляющие вещества — я знал. А этот генерал, который меня спрашивал, пытался узнать, к какой дивизии наш полк приписан, и знаю ли я командира дивизии. Я говорю: «Не знаю». Тогда он спросил: «Ну, а командующего фронтом-то вы хоть знаете?» Я говорю: «Нет, не знаю». Тут он рассердился, раскричался: «Ложь! Уж Буденного-то вы знать должны!» Я говорю: «Конечно, маршала Буденного я должен знать. Я знаю, кто такой маршал Буденный. Видал его, по крайней мере, на парадах в Москве несколько раз, на военных парадах. Но что он назначен начальником нашего Северо-Кавказского фронта, этого не знаю». Действительно, я удачно высказался, потому что потом узнал уже, что Буденный был назначен всего лишь в конце июля 42-го года командующим Северо-Кавказским фронтом.

Н.Ф.: И вы действительно этого не знали?

И.В.: Действительно я этого не знал. Не сообщали нам о таких изменениях в командовании. Так или иначе, меня этот генерал без мундира попросил. Это было в станице Куцевской. Проэкзаменовал меня какой-то полковник, знаю ли я отравляющие вещества, заставил формулы химические написать: очевидно, проверял, действительно ли я химик. Я и не скрывал, что я химик военный, и называл себя начальником химической службы. Но тут некоторая деталь была: я знал немецкий язык в общем-то неважно, хотя и имел пятерку по немецкому языку, когда учился в университете. Еще помогло, что в детстве меня обучали специально. Но я буквально переводил термин «начальник химической службы». Когда меня спрашивали: «Ваша должность военная?», говорил, что я — начальник химической службы, Chef des chemischen Dienstes. Буквально переводил. Но дело в том, что в немецкой армии такая должность — Chef des chemischen Dienstes — была, но она относилась к мощным соединениям, например, к корпусу или к армии. А в отдельном полку, в отдельной части такой должности не было, там должность называлась попроще — Gasschutz-Offizier, то есть офицер, который противогАЗами занимается, занимается противовоздушной обороной.

Н.Ф.: Противохимической.

И.В.: Да. Это звучало, конечно, не так официально. А я себя именовал начальником химической службы. Они удивлялись, но решили, что раз так, то начальству виднее, пусть начальство разбирается. В это время ко мне присоединили двух советских летчиков, которых немцы сбили под Куцевкой. В последнее время ее довольно часто вспоминали по радио и по телевидению: там какие-то были конфликты. Но тогда сбили этих летчиков советских под Куцевкой, они на парашютах прыгнули, но их поймали и взяли в плен. И вместе со мной дали сопровождающих: то ли ефрейторов, то ли унтер-офицеров, может быть, и отправили дальше по этапу.

Приехали мы первым делом в город Батайск. В Батайске нас подвезли к лагерю военнопленных. Как только нас на машине привезли, как только мы сошли с машины, к нам подбежали несколько женщин с караваем хлеба и начали нам совать

эти караваи хлеба, дескать, а то помрете с голода в этом лагере для военнопленных. Повели нас к лагерю военнопленных. Летчиков туда отвели, а меня оставили. Мне какой-то ефрейтор объяснил, что его отпустили в отпуск за какие-то заслуги особые, в виде награды отпустили в отпуск на родину, но по дороге дали поручение: он должен сдать под расписку военнопленного. Ему что-то вроде накладной на меня дали, он мне показывал: «Вот видишь, тут написано, что такой-то лейтенант Влодавец, военнопленный. И такая графа вроде анкеты: «Behandlung (то есть обращение) — тебе назначено хорошее обращение». Там было написано «gutes», значит хорошее общение. Я понял, что там могло быть и другое, могло быть «streng» — строгое обращение. Мне не строгое, но хорошее обращение. Поэтому он всю дорогу со мной разговаривал, пел Катюшу.

Н.Ф.: Вы на поезде поехали?

И.В.: Нет, дальше мы передвигались с попутными грузовиками. Он останавливал грузовики, объяснял, что сопровождает советского военнопленного офицера, и просил подвезти. Его и подвозили, как могли. Мы в скором времени проехали Ростов-на-Дону и, наконец, высадились в Донецке нынешнем. Тогда он назывался Стáлино, а немцы его называли «Штáлино». «Stalino — das ist prima Stadt, — так утешал меня мой конвоир, — тебя приказано доставить в этот самый Stalino».

Н.Ф.: А как звали этого ефрейтора, вы не помните?

И.В.: Нет, не помню. Он привез меня в штаб Heeresgruppe A — группа войск «А». Туда входил и Сталинградский фронт, и Северо-Кавказский фронт. Командующим Северо-Кавказским фронтом, как я понял, был генерал Руофф. И, по-моему, именно этот генерал снимал мундир, когда меня в Кущевке интервьюировал. По-видимому, в Кущевке находился штаб Северо-Кавказского фронта. Сталинградский фронт — там был Паулюс, как известно, который попал в плен тоже к немцам через некоторое время.

Н.Ф.: К нашим.

И.В.: То есть к нашим, конечно. Но в то время немцы очень гордились тем, что всего двадцать четыре района в городе Сталинграде, из них двадцать два в руках у немцев, а два остались у советских войск, у Красной армии. Кстати, перед этим я говорил о том, что 1168-й артиллерийский полк, там начальником химической службы был Коля Тимофеев. Он тоже был лейтенант, он тоже кончал ту же военную Академию химзащиты военного времени вместе со мной, и нас направили в распоряжение СКВО — Северо-Кавказского военного округа. И мы с ним почти вместе все время служили: наш полк был направлен в одно время в станицу Успенскую, и их полк тоже в этой станице Успенской стоял. Это недалеко от Армавира.

А потом наши дороги разошлись. Наш полк был на побережье Азовского и одно время Черного моря — Таманский полуостров. В Керченском проливе мы были. А его направили на Сталинградский фронт, и дальнейшую его судьбу я не знаю.

Подозрение в еврейских корнях

И.В.: В штабе этого Heeresgruppe A меня одного поместили прямо под надзор начальника охраны, начальника караула. Караул тоже был у всякого крупного штаба и не очень крупного: караул был и в нашем полку, у штаба нашего полка. Я вам рассказывал, что мне как раз перед этим приходилось ночью проводить проверку караула в полку. Ну, а тут меня самого определили. Сидит начальник караула, по-моему, обер-лейтенант или что-то в этом духе. Он со мной от нечего делать вел всякие беседы, интересовался моим отношением к спорту, к олимпиаде. Незадолго перед войной, как известно, в Германии проходила очередная олимпиада.

Н.Ф.: Да, в 36-м, по-моему.

И.В.: Потом интересовался, занимаюсь ли я каким-либо спортом. Я, к сожалению, не мог похвастаться, что каким-то спортом занимаюсь. Спросил, на всякий случай, не играю ли я в шахматы. Я сказал, что немножко играю. Он предложил сыграть партию в шахматы — сыграл в шахматы и проиграл. Решил еще раз сыграть — и снова проиграл.

Н.Ф.: Вы проиграли?

И.В.: Он проиграл. Проворчал что-то под нос: «Ну да, понимаю. Русские евреи... Ботвинник — великий гроссмейстер... Русские евреи все отлично играют в шахматы». Потом ему, по-видимому, пришло в голову проверить это обстоятельство. Я, значит, сижу — а это несколько дней подряд было — сижу возле окошка, мне там койку отвели. На эту же койку мне приносили кувшин с эрзац-кофе, кусок хлеба — кормили, иногда подкладывали немецкие журналы. Я с интересом читал, как в немецком журнале описывали взятие Севастополя. Там вспоминали Севастопольскую осаду еще времен...

Н.Ф.: Крымской войны?

И.В.: Крымской войны, да. Говорили о том, что нынешняя осада была еще более трудной и сложной, что русские выстроили там замечательные укрепления, какую-то батарею тяжелых орудий, которую называли батареей «Максим Горький». И что немецкую осаду русский гарнизон Севастополя выдержал очень хорошо, очень упорная была оборона.

Н.Ф.: То есть как бы с уважением.

И.В.: С уважением, да. Однажды вижу: на подоконник кто-то кладет фуражку. Пришел какой-то офицер, как я понял, в ранге подполковника, Oberstleutnant. Я посмотрел его фуражку: там была под целлофаном визитная карточка «Oberstleutnant» и фамилия — фон Ляйхтенберг или что-то в этом духе. Немецкая чисто фамилия. Он о чем-то беседует с начальником караула, время от времени они оба на меня поглядывают. Я понял, что речь идет вроде обо мне. Потом этот офицер, фон Ляйхтенберг (фон — значит дворянин какой-то), внимательно на меня посмотрел, очень внимательно, и бросил через плечо этому начальнику караула: «Typisch arisches Gesicht» — «Типично арийская физиономия». Это он на меня посмотрел.

И после этого неожиданно говорит на чистейшем русском языке: «Боже, до чего довели эти большевики нашу Россию».

У меня глаза невольно на лоб полезли, так он чисто произнес по-русски: «нашу Россию». Я невольно воскликнул: «Вы отлично говорите по-русски!». Он говорит: «Ну, еще бы, я родился в Санкт-Петербурге». «Ну, — говорю, — значит, мы с вами земляки, я родился в Петергофе и долгое время жил в Ленинграде». Вот так примерно у нас ним беседа была. Для меня существенно тут только то, что он, видимо, был какой-то эксперт по русским делам и меня признал за арийца. А мог бы признать и не за арийца, тогда мне хана, очевидно, была бы. Потому что, видно, начальник караула жаловался, что, дескать, русский военнопленный здорово играет в шахматы.

Н.Ф.: Значит еврей.

И.В.: Наверное, еврей — «русские евреи очень хорошо играют в шахматы». Он потом уступил место за шахматной доской одному из своих фельдфебелей, который действительно играл лучше его, но с ним я вничью все-таки свел партию. Так или иначе, в этом штабе (это штаб был крупного соединения Heeresgruppe A) мне пока что сохранили жизнь. А через некоторое время ко мне присоединили весь штаб приморской армии, которая была захвачена в плен в Севастополе. Командующим там был Евгений, кажется, Петров — генерал известный. Командир, штабные офицеры — весь штаб попал в плен. Они уже успели побывать под началом... там крымские татары поступили на службу, и охраняли пленных советских офицеров, и издевались над ними. Они жаловались, что крымские татары ведут себя очень плохо — те, которые поступили на службу к немцам. Немцы что-то им обещали: золотые горы, независимость, еще что-то такое. Уж не знаю, чем они их купили. Когда они приехали, их расположили вместе со мной, и первый вопрос, который мне задали: «А как здесь кормят?». Из этого я заключил, что кормили их неважно. Меня как-то вопросы еды не очень беспокоили: просто аппетита не было. Давали мне кусок хлеба с маргарином, этот кофе-эрзац... и еще что-то.

Н.Ф.: То есть какой-то похлебки армейской?

И.В.: Может быть, и похлебку давали иногда. Но меня это, в общем, не волновало. Не до того было. Я еще не успел, так сказать, вскутить всех прелестей немецкого плена.

В Виннице

Меня присоединили к этой группе, что, я считаю, для меня большая честь была, фактически к штабу приморской армии, который после героической, действительно, обороны Севастополя угодил в плен к немцам. И меня вместе с ними повезли дальше. Проехали мы через Днепропетровск, в Винницу попали. В Виннице находился штаб верховного главнокомандования немецкой армии. Там был санпропускник, где, кстати, нас помыли. Был там отдельный лагерь за колючей проволокой, небольшой. Нас в этом лагере разместили, довольно просторное помещение, койки были индивидуальные.

Но там были какие-то постоянные обитатели в этом лагере. Тоже, видно, что военнопленные советские. Но вновь прибывшие размещались так, что с обеих сторон стояли койки постоянного контингента. Мы потом поняли, что это были пленные, так сказать, которые уже работали на немецкую разведку, потому что им давались поручения, например, прочесть советские газеты. Их заставляли «Правду» читать и задавали вопросы.

Допустим, в «Правде» печатались сведения о награждении работников какого-то уральского завода (назывался этот завод) «за разработку и внедрение технологии изготовления металлокерамических изделий». И поручали постоянному своему контингенту узнать, а что такое металлокерамические изделия и с чем их едят, и за что получил орден этот завод. Ну, они очень просто подходили к решению этого вопроса: когда мы утром умывались, выходили на поверку, стелили наши койки, кто-нибудь из них возглашал: «Кто знает, что такое металлокерамика и что такое металлокерамические изделия?». Кое-кто у нас, главным образом те, кто никакого отношения к металлокерамике не имел, заявляли, что мы знаем. Например, автомобильные свечи — это металлокерамическое изделие. Но это все было ерунда, конечно.

Н.Ф.: Конечно.

И.В.: Потому что там была керамика, и был металл, но металлокерамических изделий там не было. Металлокерамика — это кое-что особое.

Они занимались изучением текущей советской прессы, которую удавалось разведке достать, и поручали: «Прочитайте и доложите нам, что тут интересного».

” Меня допрашивал, по-видимому, представитель немецкой химической разведки. Меня к нему доставили, а он, по-видимому, ждал какого-то крупного начальника, но когда ему показали меня, он как-то даже неприлично фыркнул.

Я, видно, не производил впечатления серьезного. Он задал мне какие-то два вопроса, что-то вроде того: знаю ли я такое отравляющее вещество «лебеда». Я очень удивился, сказал: «Не знаю, я знаю, трава есть лебеда, но она совершенно безвредная». Кто-то из моих компаньонов заявлял, что он знает: «Да-да, была такая “лебеда”, ее советский химик Лебедев разработал, поэтому назвали в его честь». Но что это за отравляющее вещество, толком никто не знал. Так и не выяснили. Или задавали такой вопрос: «Где находятся советские склады химического оружия». Я сказал, что, насколько мне известно, склады химического оружия должны находиться не ближе тысячи километров от фронта. В общем, этим удовлетворились.

Да, в это самое время с нами проводил беседу комендант, бывший тоже военнопленный, но он, по-моему, был в ранге подполковника или полковника... полковник Захаров, по-моему, его фамилия. Я так и не знаю, потому что немцы произносили то «Сахаров», то «Захаров» и трудно было понять, какая настоящая его фамилия: то ли Захаров, то ли Сахаров. Но это неважно.

Он нам рассказывал: «Знаете, недавно сюда прибыл попавший в плен советский генерал Власов, любимый генерал Сталина, который одно время был советником у Чан Кайши, ему поручение было дано держать связь с Чан Кайши. Сейчас он попал в плен на Волховском фронте, его сначала допрашивали на станции Сиверская (мне хорошо знакомой, потому что мы два года подряд жили на даче на Сиверской в свое время), а потом его направили сюда, и он сейчас ведет переговоры с немецким командованием. Очень важные переговоры». Мы видели издали этого генерала Власова, по вечерам он прогуливался вдоль колючей проволоки, но жил он в отдельной избушке.

Н.Ф.: Вне лагеря?

И.В.: Внутри. Сам этот комендант Захаров или Сахаров тоже жил внутри.

Н.Ф.: То есть они не были в тот момент расконвоированы? Свободно наружу не выходили?

И.В.: Вот этого я не знаю. По-моему, те, кого я назвал постоянным контингентом, которые работали на немецкую разведку, они имели возможность ходить по улицам. Это было где-то на окраине Винницы. Ну вот.

В лагере Хаммельбург

И.В.: Оттуда опять же в сопровождении все того же штаба приморской армии нас отправили уже в Германию, в шталаг 13D, Хаммельбург. Это лагерь, главный лагерь, где содержались пленные советские офицеры. Там был отдельный барак, в котором жили несколько десятков советских генералов, пленных. Это был 42-й год. Многих из военнопленных рангом пониже приставляли... у них были правила: пленному генералу полагается денщик, тоже из военнопленных. В обязанности этого денщика было выстоять в очереди за баландой и принести эту баланду своему шефу.

Н.Ф.: Это немцы такой порядок установили?

И.В.: Немцы такой порядок установили. Генералы общались и с военнопленными... Да, первым делом, когда мы прибыли в этот самый шталаг, нас отвели в санпропускник, в баню, там промыли, дали возможность как следует помыться. Немцы, как я понимаю, эту помывку делали с целью еще раз убедиться, что среди нас нет обрезанных правверных евреев.

Н.Ф.: То есть там ходил человек и смотрел?

И.В.: Смотрели, да, между прочим. Были среди нас правверные мусульмане, которых тоже обряду обрезания иногда подвергают. Их тоже задерживали, еще более тщательно проверяли: что и как. Но что касается военнопленных, то они использовали и другой контроль. В меня, например, сразу стали тыкать пальцами и говорить: «Что, полицай, небось?». Я говорю: «Какой полицай? — Это ты ведь был полицаем во Владимире-Волынском?». Я говорю: «Да я не был во Владимире-Волынском вообще».

Н.Ф.: Это кто, немцы так спрашивали?

И.В.: Не немцы, военнопленные, которые вместе с нами мылись, проходили санпропускник. Ну, голые люди...

Н.Ф.: Не поймешь.

И.В.: Да. «А откуда же ты так отъелся?». Я говорю: «Да я совсем недавно попал в плен». Еще август месяц не кончился, были примерно 20-е числа августа, а я попал в плен 5-го августа и с тех пор не успел еще дойти до обычных гефангенских кондиций. А все были уже порядком истощены, те, кто побывали в плену уже несколько месяцев.

В этом Хаммельбурге была библиотека.

Н.Ф.: Хаммельбург — это лагерь как раз?

И.В.: Да, это лагерь. Там была библиотека, в которой можно было прочитать всю мировую фашистскую литературу. Ну, например, там был журнал, по-моему, «Журнал русских фашистов», так он назывался. Он издавался в Харбине. И на обложке его было изображено солнце японского типа. Харбин тогда был, по-моему, столицей Маньчжоу-го.

Н.Ф.: Да-да.

Журнал детской организации Всероссийской фашистской партии. Автор: ВФП - The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925—1945 by John J. Stephan ISBN 0-06-014099-2, Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=6801879>

И.В.: Маньчжоу-го было оккупировано Квантунской армией в свое время, и тогда находилось в оккупации Квантунской армией. И в журнале расхваливались и расписывались обычаи русских фашистов, всякие их подвиги и в Маньчжурии, и яковы в России тоже были у них свои агенты. Оказывается, русские фашисты были организованы по немецкому или по японскому, скорее, образцу. Там были отдельно мужские организации и отдельно женские организации, так же как у немцев. Кроме того, гитлерюгенд, а тут молодежная организация под названием «Фашистские крошки» (*смеется*). Для нашего уха... такое название улыбку вызывало. Был специальный журнал для «фашистских крошек», в котором были тексты каких-то постановок драматического характера, сборов, вроде пионерских сборов, сборов этих «фашистских крошек», там они свои постановки ставили, явно антисоветского характера.

” У них были свои фашистские приветствия, нужно тоже вытянуть руку вперед и кричать «Слава России!» вместо «Хайль Гитлер».

Проходили там лекции, на которых некоторые пленные расписывали все ужасы советской власти, но были пленные офицеры, и даже генералы, которые очень убедительно вступали в дискуссию на этих лекциях, возражали.

Н.Ф.: А кто читал лекции? Приезжие какие-то или из своих же, из военнопленных?

И.В.: В общем, все из военнопленных, конечно, были. В каких они условиях содержались, трудно сказать.

Н.Ф.: Но люди, бывавшие в Советском союзе?

И.В.: Естественно.

Н.Ф.: Были же эмигранты, которые сотрудничали с немцами.

И.В.: Были и эмигранты, да. Были и эмигранты. Но меня, конечно, наши советские военнопленные сразу отличили, потому что, во-первых, заинтересовались свежими военнопленными, поэтому меня проинтервьюировали...

Да, какая-то была там сапожная мастерская. Вообще-то пленным там полагались деревянные колодки типа голландских сабо, но некоторым доставалась другая обувь. Вообще с обувью плохо было, поэтому из военнопленных организовали сапожную мастерскую. В этой сапожной мастерской явно просоветски настроенный народ почему-то собрался. И они меня обступили: свежий военнопленный, только 5-го августа попал в плен — и уже в Хаммельбурге оказался. Проверяли, действительно ли я попал в плен недавно, потом проверяли так: «А вот мы слышали, к нам один тоже военнопленный свежий прибыл, он говорил: не верьте немцам, которые уверяют, что они на Кавказе наступают, на самом деле советская армия, Красная армия, уже Варшаву взяла или уже под Варшавой находится». Это было осенью 42-го года. Я был вынужден сказать, что, к сожалению, такая информация совершенно недостоверна, что на самом деле фронт уже проходит по Волге, фронт проходит по побережью Каспийского моря, по-видимому, и по предгорьям Кавказа.

Н.Ф.: До побережья Каспийского моря они все же не дошли. Были в пригородах Астрахани, передовые отряды, но не дошли.

И.В.: Может быть, я не знаю точно.

Н.Ф.: Вы попали как раз в это наступление в плен и могли думать, что они там.

И.В.: Так или иначе, под Сталинградом уж они точно были.

Н.Ф.: Да, это правда.

И.В.: Я знал, потому что когда прощался с Колей Тимофеевым, он мне сказал по секрету, что «наш полк направлял под Сталинград...», 1168-й. А наш остался в распоряжении Северо-Кавказского фронта, придан был Донскому казачьему корпусу. Да, так эти сапожники прямо не верили мне: «Как же так? А ты случайно сам не работаешь на немцев? А то мы знаем

много таких интеллигентных ребят, которые сюда попадали, поели баланды и тут же перекидывались, старались пойти к немцам в услужение, становились полицейями или переводчиками и служили немцам, угождали». Я, значит, объяснял им, что только что попал в плен, что говорю все, как есть. Мне самому очень неприятно это говорить, но в действительности у немцев большие военные успехи, с этим надо считаться пока. Так или иначе, они ко мне с недоверием относились, но вынуждены были все-таки согласиться.

Н.Ф.: А вы общались с генералами из генеральского барака?

И.В.: Присутствовал на этих их дискуссиях.

Н.Ф.: А кто именно что говорил, сейчас, наверное, уже не помните?..

И.В.: Не помню уже.

Н.Ф.: А немцы не наказывали тех, кто возражал, пытался спорить?

И.В.: Нет.

Н.Ф.: Не было такого?

И.В.: Там не было такого. Правда, были такие эпизоды. Вечерняя поверка прошла, но можно еще не ложиться спать. Колючая проволока, на углу стоит вышка, на ней — немецкий часовой с автоматом. Подходит компания военнопленных, вдруг спрашивают у часового: «Herr Posten (принято было такое обращение: «господин часовой»), разрешите, мы попоем». По-немецки говорили. Часовой кивал головой, дескать, давайте, пойте. Пойте, что угодно, нельзя только интернационал петь. Можно петь любую солдатскую песню, но интернационал запрещен, потому что в Германии интернационал пели коммунисты, и социал-демократы тоже пели. Собиралась компания военнопленных и пела:

Пусть враги как голодные волки

У границ оставляют следы,

Не видать им красавицы Волги

И не пить им из Волги воды.

Часовой на вышке стоит, кивает: «Ja, ja, Wolga, Wolga, Mutter Wolga» (*смеются*). Вот так, своеобразно очень. Помню, это были, очевидно, казармы какой-то воинской части, и их использовали в военное время под лагерь военнопленных, потому что там нары были двухэтажные. Обитатели нижнего этажа, как правило, писали свои какие-то замечания на сооружениях второго этажа, так что снизу можно было прочитать. Там были немецкие какие-то даже стихи. Помню одно, оно начиналось: «Hammelburg, verfluchen ort...» — «Проклятое место Хаммельбург...» Сейчас уже забыл точно, как это по-немецки написано, но, в общем: вот уже унтер созывает всех на вечернюю поверку, нужно туда идти, становиться в этот дурацкий строй и так далее.

Н.Ф.: Антивоенные, можно сказать, отчасти.

И.В.: Антивоенные, да. Для тех военнослужащих, которым, видно, уже вот так (*выделяет интонацией*) служба в армии была и которым этот «verfluchen ort» уже надоел изрядно. Но мы в этом Хаммельбурге пробыли недолго. Там был лагерь и для французских военнопленных, которым разрешалось получать посылки с родины, они получали консервы и, так сказать, снисходя к горькой судьбе советских военнопленных, иногда перекидывали через колючую проволоку подарок — банки консервные с тушенкой.

Н.Ф.: Да, об этом многие рассказывают. Не только в этом лагере, но и вообще такое было, что наших подкармливали. Да, и вы пробыли недолго в этом...

Вербовка в армию Власова

И.В.: Да, там сформировали из вновь прибывших, в основном, рабочую команду и отправили на работу. Я помню, что когда собирали, там был представитель в таком тропическом шлеме, типичном, как у колонизаторов изображают у нас на карикатурах, и с каким-то стеклом, которым он подгонял. Он отбирал пленных и подгонял этим стеклом. Кто-то из пленных выразил сомнение: «Могу ли я участвовать в вашей рабочей команде, потому что меня тут записали в хоровой кружок, я певец, ich bin Sänger». «Ах, ты Sänger?» — он ему этим стеклом, бамбуковым по-моему, нахлопал: дескать, нечего тебе возражать. Ну, и повезли нас в товарном вагоне. Везли, кстати, мимо Нюрнберга, Reichsparteitag Stadt. Reichsparteitag... как же у них этот съезд назывался?.. В общем, город партийного съезда. У них там целое поле было огорожено: высокие мачты такие стояли. Нам кто-то объяснял из сопровождающих конвоиров, что, дескать, тут бывают партийные съезды, они прямо съезжаются на автомашинах в Нюрнберг, и фюрер толкает речи.

Но нас повезли дальше в Карловы Вары, тогда он назывался Карлсбад, естественно, это была Судетская область Чехословакии. Немцы рассказывали, что, вообще говоря, Чехословакия, а точнее Богемия, Böhmen — это было исторически первое германское государство, а уж потом Пруссия примкнула туда, Австрия. А первой была Богемия: сначала это было немецкое государство, а потом оно каким-то образом превратилось в чешское государство. Толком я всего этого не помню, историю на самом деле не изучал, не знаю. А теперь в этот Böhmen, район Карлсбада, свозили советских военнопленных. И, кстати, тогда уже слухи были пущены, что генерал Власов договорился с немецким командованием, что он будет формировать там части из советских военнопленных, которые станут воевать на стороне немецкой армии, воевать в союзе с немцами.

Сначала нас выгрузили на станции Майерхёфен — это пригород Карлсбада. Там была фарфоровая фабрика. Нас высадили,

мы некоторые время там размещались. Нас была большая группа, человек восемьдесят примерно было в Майерхёфене. Сначала мы там занимались тем, что копали траншеи для прокладки водопровода, нужно было. И пока мы эти траншеи копали, выкопали массу осколков, а осколки были такие: посуда, выпущенная в честь двадцатилетия советской армии. Значит, 37-го года, наверное, или 38-го года. Двадцать лет Красной Армии. По заказу советского «Военторга» она была выпущена в этом Майерхёфене. Фарфоровые сервизы, столовые тарелки, кофейные сервизы...

Н.Ф.: Интересно, да.

И.В.: Так вот остатки этой посуды там валялись. Когда мы рыли траншеи, то осколки оставляли. Меня отрядили работать в Formgießerei — это такой цех, где отливают формы для изготовления фарфоровых изделий. По моделям. Модель заливается гипсовой массой — раствором гипса, гипс застывает и образует форму, которую в свою очередь заполняют фарфоровой массой и обжигают в печи в этой форме, после чего получается фарфор. Потом форму разбирают и вынимают оттуда фарфоровые изделия. В Formgießerei мы должны были готовить растворы гипса и отливать гипсовые формы — в этом было наше занятие. На фабрике нас охраняли все время: были солдаты, которые присутствовали в цехах. Они с нами разговаривали, в общем-то, особой враждебности не выказывали. Правда, и «zwei, drei Wochen» в это время как-то не очень было среди них.

Н.Ф.: Что такое «zwei, drei»?..

И.В.: «Две-три недели до окончания войны». Но Сталинград упоминали часто. Часто заводили воспоминания, дескать, хорошо было, когда Молотов с Риббентропом договорились, когда у нас хорошие отношения были.

Н.Ф.: Настроение уже поворачивалось.

И.В.: Ну, по-всякому. Быстро сочли, что я явно скрытный коммунист. Тут началась вербовка во власовскую армию.

” Объявили, что генерал Власов собирает армию для борьбы против большевиков, и все желающие могут записаться в эту армию.

Для того чтобы сохранить в секрете, поскольку не все могли выразить желание записаться в эту армию, дело было обставлено так: нас выстроили во дворе, потом была команда разомкнуться на четыре шага, так, чтобы каждый по отдельности стоял. Нас так выстроили, что мы далеко друг от друга. Потом унтер-офицер, главный из числа наших конвоиров, ходил и раздавал всем клочок бумажки и огрызок карандаша. Всем раздавал. Когда он дошел до меня, то тут же поглядел: «О, тебе точно не нужны эти ни карандаш, ни бумага».

Н.Ф.: По-русски или по-немецки?

И.В.: По-немецки. Я ему по-немецки же возразил: «Нет уж, давайте и мне тоже. Всем даете, давайте и мне». Потом он объяснил, что желающие записаться в эту русскую освободительную армию, формируемую генералом Власовым для борьбы с большевиками с оружием в руках, могут написать свой номер военнопленного (у каждого из нас был номер свой). Я уже был 15 588, кажется, что-то в этом духе. Нужно было записать свой номер и все, на бумажку эту, что мы желаем с оружием в руках бороться с большевизмом.

Н.Ф.: Агитировал кто-то? Приходил, рассказывал?

И.В.: Нет. Тут не агитировали, тут прямо...

Н.Ф.: А это был маленький лагерь? Вас привезли туда восемьдесят человек, но там еще были другие люди?

И.В.: В данный момент, по-моему, еще не было: не сформировали еще рабочую команду. Привезли некоторую часть, затем унтер обошел всех, отобрал у всех. Ну, и вроде как все сохранилось в тайне. Затем они вызвали по номерам группу военнопленных и сказали: «Вот вы из своей среды должны выбрать поваров, переводчика и полицая». И тогда все поняли, что это была как раз группа проверенных людей, которые изъявили желание бороться с оружием в руках против большевизма. И из своей среды они должны были выделить, так сказать, начальников: поваров, переводчиков и полицаяев.

Н.Ф.: Много их было?

И.В.: Да, довольно много. Их было человек тридцать из восьмидесяти. Примерно так. Эта группа такая, не очень большая все-таки. Ну, сразу мы всех, так сказать...

Н.Ф.: Вычислили?

И.В.: Вычислили, да. Они кого-то выделили из своей среды. На этом дело пока и ограничилось. А нас сначала определили на работу в том же Майерхёфене, я работал в Formgießerei. Однажды Formgießerei навесил сам герр Майер, хозяин этой фабрики, который особенно заинтересовался мной, интересовался, кто я по профессии. Говорю: «Я химик, окончил Московский университет». — «Ах, Московский университет и химик. Это хорошо. Знаете, я, пожалуй, подумано, может, организую здесь для вас химическую лабораторию. Мне очень нужны химики. Конкретно те химики, которые занимаются керамикой. Я был в то время, когда у нас были хорошие отношения с Советским Союзом, а это всего несколько месяцев тому назад, я был в Москве на Большой Калужской улице, — он так и сказал: «Большая Калужская», — в Академии наук. И там, в Академии наук, тоже занимаются керамикой, занимаются образованием структур из каолина». Я понял, что они были в гостях у Ребиндера.

Н.Ф.: Это подтвердилось потом?

И.В.: Да, подтвердилось. Более того, все эти карлсбадские фарфоровые фабрики, их несколько было: Майерхёфен наша, Дальвиц, потом еще Содау и еще какая-то. Все они пользовались каолином из цетлицкого месторождения. Такое местечко,

Цетлиц, где добывался каолин. Надежда Николаевна Сербина, старая сотрудница Петра Александровича Ребиндера, как раз специально занималась структурообразованием в цетлицком каолине. Про Майера я, правда, с ней не разговаривал, но она говорила, что немцы приезжали, делегации, пытались налаживать всякие контакты.

Н.Ф.: Потом у этой фабрики были заказы для Красной армии?

И.В.: Да, были заказы для Красной армии. Но, по-видимому, все-таки герру Майеру не разрешили организовывать для Влодавца лабораторию химическую или керамическую лабораторию, где он мог бы заниматься какими-то исследованиями, поскольку в списках тех Kriegsgefangenens, которые изъявили желание с оружием в руках выступить против большевизма, в этих списках Влодавца не оказалось.

Работа переводчиком в плену

И.В.: Я оказался в списке того большинства, которое не желает с оружием в руках. И это все большинство было немедленно удалено из этого Майерхёфена, и всех нас повезли в другое место, на другую фабрику — в Дальвиц, или Даловице, по-чешски. Это тоже пригород Карлсбада, там примерно такая же фарфоровая фабрика. Интересно, что перед входом на территорию фарфоровой фабрики стояло двухэтажное здание, солидное довольно, на котором была надпись «Kerensky» латинскими буквами. Потом нам объяснили, что в этих краях оказался казачий полковник Чигиринский, который поселился в Чехословакии. Приехал в Европу вместе с остатками белой гвардии, белой армии, выстроил себе эту виллу и назвал ее виллой «Kerensky» в знак уважения к своему лидеру. Он уважал партию кадетов, по-видимому.

Н.Ф.: Нет, Керенский был эсэр.

И.В.: А, значит, эсэров.

Н.Ф.: Глава временного правительства последний.

И.В.: Да. А в этой команде нас поместили в таком заведении, где раньше была конюшня. Там сохранилась, висела конская подкова над входом в конюшню и была надпись «Stallung».

Н.Ф.: Понятно, стойло, конюшня.

И.В.: В этой же команде унтер ко мне обратился: «Про тебя известно, что ты владеешь немецким языком, поэтому тебя назначат переводчиком, уже в той части, которая не собиралась воевать против большевизма». Я к тому времени уже знал, что переводчики, как и полиция, пользуются со стороны военнопленных, не желающих воевать против большевизма, недоверием, к ним относятся с презрением. Поэтому я отнюдь не собирался стать переводчиком неуважаемым.

Я все-таки надеялся: вдруг когда-нибудь удастся вернуться из плена, как я буду отчитываться тогда, что служил у немцев переводчиком?

Поэтому унтеру пришлось меня отыскивать. Он где-то нашел мой номер, очевидно, еще раньше было записан... со мной еще в Екатерининской длинную беседу имел... химика, видимо не нашли, но сказали, что со мной будет беседовать Kogarzt. Kogarzt — это высокое военное звание, военный врач, корпусной врач. Считали, что он хорошо разбирается в химии, поэтому можно ему доверить допрос. Этот Kogarzt, видимо, ему допрашивать советского военнопленного было не очень приятно, он представлял себе, что, наверное, придется выбивать из него всякие сведения, информацию. Поэтому он устроился во фруктовом саду в станице Екатерининской, поставил пишущую машинку «Rheinmetall», посадил за нее какого-то санитаря или медицинского помощника в ранге фельдфебеля. Тот за пишущей машинкой все показания немедленно за мной записывал, а сам он задавал всякие вопросы.

Причем, он немножко формулировки интерпретировал своему фельдфебелю, чтобы тот переписывал и немножко менял редакцию. Например: «Кто ваши родители?» Я честно отвечаю: «Мать преподавательница русского языка, отец химик. — Где они сейчас находятся? — Они находятся в эвакуации, Sie sind evakuiert». Я наивно полагал, что слово эвакуация — интернациональное, что немцы его понимают так же, как и мы. Эвакуирован, значит, evakuiert, есть такое слово в немецком языке. Но он неожиданно для меня говорит: «Was is das evakuiert? Verschleppt?». А слово «verschleppt» означает другое, высланы, на самом деле. Сосланы. А слово «evakuiert» мы, говорит, не понимаем. Ну, раз не понимаете, пусть будет хотя бы и «verschleppt». — Куда они verschleppt? — Nach Урал». Действительно, они были эвакуированы в Миасс в Челябинской области. Но в протоколе-то осталось «verschleppt», эвакуированы, значит, якобы пострадали при советском режиме. Вот такая облегченная интерпретация, дескать, не совсем безнадежный с точки зрения вербовки человек. В заключении написал: «Отлично знает химию, отлично знает немецкий язык». Снова я пятерку получил, на мой взгляд, незаслуженно совершенно.

Н.Ф.: Может, на фоне других, которые к ним попадали.

И.В.: Может быть, да. Хорошо знает физику и математику, тут я уж обиделся: ты ж меня не экзаменовал ни по физике, ни по математике, что ж ты мне четверки ставишь за это! (*Смеется*). А он действительно поставил четверки по физике и математике, не имея на это никаких оснований, ни за, ни против, на самом деле. Возможно, благодаря таким характеристикам, положительным с точки зрения немцев (мне конвоир, который возил до города Шталино, показывал сопроводительный документ, в котором написано было: «С ним желательно обращение хорошее»).

Н.Ф.: Они поняли, что вы большая птица.

И.В.: Да, подумали, что я большая птица. Им было выгодно, конечно. Поймали пленного — чего вы с ним возитесь-то? А может это важная птица!

Н.Ф.: Да, что вы начальник химической службы армии.

И.В.: Начальник химической службы — это большая шишка, но меня так и не показали начальнику химической службы немецкой армии, хотя сам генерал Руоф, видимо, со мной беседовал-таки. А тут все-таки засекретили. Задавали вопросы иногда насчет того, какие новые отравляющие вещества применяет Красная армия. Я тут ехидно отвечал: «Да нет, никаких новых нету, все известные. В немецкой армии, насколько нам известно, тоже нет ничего нового, все те же Gelbkreuz, Grünkreuz» и так далее. У них какие-то были смеси отравляющих веществ с такими названиями. Еще помню, по-моему, в той же Кущевке какой-то немец-полковник меня экзаменовал, он не выдержал и сказал: «А вы про уран что-нибудь слышали?» Я сказал: «Да, слышал, как же, работы Луизы Мейтнер, которая спонтанное деление изотопов урана открыла, на основании которых якобы можно соорудить атомную бомбу, которая будет обладать огромной мощностью».

Н.Ф.: Это вы знали?

И.В.: Да, говорил, что я знал. Но знал также и то, что критическая масса природного урана настолько велика, что если собрать уран со всех известных месторождений, его не хватит для создания критической массы. Поэтому атомную бомбу из натурального урана делать невозможно. Кстати, получилось так, что я работал в предгорьях рудных гор, в окрестностях Карлсбада, и одно время работал там как раз в Нойдеке, в таком ущелье, где цветлицкий каолин добывали, там же рядом находилось знаменитое ущелье, где был открыт радий впервые.

Н.Ф.: Кюри?

И.В.: Да, Кюри. Это у них называлось Joachimsthal, долина Святого Иоахима, очевидно, перевод. Того месторождения, где Склодовская-Кюри обнаружила радий. Там добывали урановую руду, уран использовали для окрашивания фарфоровых изделий, и сейчас иногда используют урановые красители для этих целей.

Н.Ф.: Значит, вас искали для того, чтобы сделать переводчиком?

И.В.: Да, искали, чтобы сделать переводчиком. Я сначала прятался, но прятался неудачно, в конце концов, меня нашли, и унтер мне сказал: «Ты будешь переводчиком в рабочей команде». И отправили эту рабочую команду в Дальвиц. Прибыл я в эту рабочую команду, и тут мне захотелось все-таки спрятаться.

” Пытался я там спрятаться, но меня заприметили, выловили, заявили: «Ты не будешь в общей казарме (бывшей конюшне), у тебя будет отдельная комната». Только еще мне не хватало в отдельной комнате селиться! Ну, дали мне койку в этой комнате.

Потом после утренней поверки всех отправили на работы по фабрике. Фабрика охраняется, а всех членов нашей рабочей команды распределили по разным цехам. Я с кем-то хотел увязаться, меня не пустили, сказали: «Ты должен остаться в помещении вашего лагеря», то есть в этой конюшне. Я остался в ней один, такая привилегия. Ну, думаю, что дальше. Потом гляжу, приходит какой-то человек в типично пролетарской кепке, и вообще похож на немецкого коммуниста так, как его изображали в наших газетах. Он разговаривает с нашим постом, с военным, который охраняет наш лагерь. По-немецки говорит, я понимаю, что он сказал: «Мне поручено проверить здесь электропроводку, правильно ли она сделана, будет ли она нормально работать, не произойдет ли здесь каких-нибудь неприятностей, чтобы не было пожара, допустим. Поэтому я должен остаться и проверить всю электропроводку». Он договорился: «Ты меня оставь здесь на час, на два, я здесь все проверю, потом я тебе позвоню, ты меня выпустить».

Этого немца в кепке оставили в нашей конюшне, а солдат, который нас охранял, запер нас на замок, и мы остались с ним вдвоем в этой конюшне. Тут он подошел ко мне и начал разговор. Он представился: «Моя фамилия Фогель, я ведаю на фабрике слесарной мастерской, мы для вас оборудовали этот лагерь, старались сделать так, чтобы здесь вам все-таки жить можно было как-то. Мне сказали, что ты здесь самый главный коммунист». Ну, я не стал опровергать, но не стал и подтверждать поначалу такое сообщение, я не мог считать себя главным коммунистом.

Он начал меня спрашивать: «Правда ли это, что советские войска отступают на Кавказе?» — «Правда». — «Правда ли, что советские войска нанесли большое поражение немецким войскам под Москвой?» Я говорю: «Правда». Потом: «Нет ли у Сталина резервов? Сейчас идут бои под Сталинградом, может ли он туда перебросить сибирские дивизии?». Я ответил: «Насколько мне известно, какие-то сибирские дивизии были переброшены под Москву в свое время. Было ли переброшено что-либо под Сталинград, я не в курсе дела, но думаю, что еще резервов в Красной армии хватает, так что, боюсь, за две-три недели война не кончится. На Кавказе мы отступаем, но больших потерь наша Красная армия там не несет». Постепенно мы с ним поговорили, он сообщил, что он ни в коем случае не желает победы Гитлеру. «Hitler muß weg», как он говорил. Объяснил, что он убежденный антифашист и антигитлеровец, и спрашивал на всякий случай: «Как, вы и ваши товарищи, вы достаточно убежденные люди, не перейдете на сторону врага?»

Н.Ф.: Он был немец или чех?

И.В.: Он был немец. Фогель. Вот так мы с ним познакомились. Условились, что держать будем связь, к нему в слесарную мастерскую приставили одного из моих товарищей по плену, он работал там, в слесарной мастерской. Вскоре нам удалось выяснить, что там работали два явных антифашиста: Этот Фогель, типичный пролетарий, и другой немец по фамилии Попп. Тот нетипичный немец, очень интеллигентный и очень убежденный коммунист действительно. Мне потом удавалось не раз с ним разговаривать, он говорил на чистом немецком Hochdeutsch. А Фогель говорил на местном диалекте, этот диалект отличается по произношению многих слов. Ну, так или иначе, оба были убежденные антифашисты. Первое, что они делали — стали организовывать побеги. Но это уж потом было, а пока что я, не думая о том, что тут могла быть какая-нибудь провокация... А какая могла быть провокация, зачем военнопленных-то провоцировать, на что? Ну, может и могла быть, конечно, но в данной ситуации я им поверил и, по-моему, был прав. И с ними потом поддерживали очень полезные

контакты все время. Например, Попп слушал московское радио на немецком языке. Впрочем, и английское радио BBC на немецком он тоже слушал. Поэтому все последние военные известия он знал и мог сообщать нам. Кто-нибудь из военнопленных работал в слесарной мастерской. Сначала этот Виктор работал, его звали Виктор, по-моему.

Н.Ф.: Фамилии не помните?

И.В.: Фамилия вылетела у меня из головы...

Н.Ф.: Ну, может быть, потом вспомнится.

И.В.: Да, может быть, потом вспомнится. Этот Виктор имел какое-то отношение к речному флоту, поэтому во всяких механизмах разбирался, поэтому, возможно, его в слесарную мастерскую определили. И очень скоро этот Виктор, встречаясь со мной во дворе фабрики... так получилось, что иногда во дворе работу мне давали, и ему какие-то работы давали. И вот мы с ним встречались, и он сказал, что Фогель и Попп предлагают ему организовать побег. Он предложил мне участвовать. Я сказал: «Знаешь, я на свои силы не очень рассчитываю, сейчас мы находимся в самом центре Европы, чтобы попасть к нашим, нужно одолеть несколько тысяч километров, чтобы добраться куда-нибудь до Сталинграда, например, где как раз идут бои, или тем более до Кавказа, это еще дальше. Я не сумею пройти, боюсь, что буду только обузой для того храбреца, кто сумеет это преодолеть». Поэтому я откровенно отказался.

Н.Ф.: Игорь Николаевич, почему вы приобрели репутацию коммуниста? Это произошло еще в первом лагере?

И.В.: Да, да, просто немцы с нами очень запросто беседовали на любые темы, у них там своего начальника не было, у нас тоже никого пока не было.

Н.Ф.: Это в первом офицерском лагере?

И.В.: В первом. А здесь у нас тоже был офицерский лагерь. На самом деле, там, конечно, и рядовые были, потому что когда попадали в плен, не знали, что лучше: чтоб тебя считали офицером или рядовым, неясно было совершенно. Одни думали, что лучше быть рядовым, другие, что лучше быть офицером. Я вам рассказывал об ординарцах, которые носили баланду, чтобы господа не ходили сами, чтобы не стояли в очереди за ней и не сбивали с толку простых военнопленных. Один-два человека у нас, возможно, были рядовые, мы на это не обращали внимания, пусть каждый спасается, как может.

Фогель и Попп предложили организовать побег, я не без их огорчения и удивления отказался. По-моему, все, кто собирался бежать, потом меня тоже приглашали. Я ведь остался все-таки переводчиком. Так получилось. После беседы с Фогелем я уверился, что есть и антифашисты среди немцев, значит, контакты с немцами — не такая глупая вещь. Потом среди пленных был Гаврила Васильевич Хорошков. Мы знали, что он капитан, что он кончил военную Академию генерального штаба имени Фрунзе. Он служил в полку начальником штаба и жаловался: «Мы в Академии имени Фрунзе все тактические задачи решали на карте Алленштейнского укрепленного района Восточной Пруссии, а воевать пришлось нам под Киевом, оборонять берег Днепра, другой берег был у немцев. Когда мы учились, проходили, что стрелковому полку там нужно держать полосу обороны в три километра по фронту, а нашему полку пришлось оборонять побережье Днепра в тридцать километров, вот мне, как начальнику штаба, пришлось выкручиваться».

В конце концов, этот полк попал в окружение, попал в плен и этот капитан Хорошков. И вот капитан Хорошков обратился ко мне в присутствии всей прочей нашей публики: «Господин переводчик», что-то хотел сказать. Я ему: «Знаете, я не привык к такому обращению, ради бога, не обращайтесь ко мне так, а обращайтесь как-нибудь попроще». Он спросил как? Я говорю: «По-моему, среди русских интеллигентных людей принято, если они хотят уважительно обращаться друг к другу, просто по имени отчеству друг другу говорят. Называйте меня Игорь Николаевич, я всегда откликнусь, так же как вас могу Гаврила Васильевич называть».

Он выслушал и сказал: «Вижу, вы не хотите быть переводчиком». Я говорю: «Конечно, не хочу, потому что переводчик нужен немцам, а не нам». Он сказал: «Нет, знаете, переводчик — это такая фигура, которая может играть важную как положительную, так и отрицательную роль для военнопленных, все зависит от того, кто именно будет переводчиком. Насколько я знаю отзывы моих товарищей о вас, которые с вами разговаривали, да и немцы тоже меня в этом убедили, что если вы будете переводчиком, то всегда сможете защищать наши интересы. Поэтому убедительная просьба, я говорю от лица всей команды, не отказывайтесь быть переводчиком, а то назначат нам переводчиком кого-нибудь из этих убежденных власовцев или из тех, кто писал, что хочет с оружием в руках воевать против советской армии».

Ну, я подумал-подумал и решил: «Ладно, если вы мне будете помогать и если нам удастся вырваться живыми из плена, то согласен, давайте вести дела сообща».

Так получилось, что немцам понадобился кроме переводчика еще полицей, и еще даже такое лицо, которое они назвали Vertrauensmann, доверенное лицо. В качестве полиции они Василия Федоровича Родина определили, по очень простому признаку — он у нас как-то привык стоять на левом фланге, его же и поставили, и у него были роскошные буденновские усы. Он напоминал немцам Буденного, а они про Буденного много чего слышали и считали, что очень хороший полицей должен выйти из такого... Ну, а мы, посоветовавшись, решили, что пусть будет полицей, тоже избранный всенародно, и выбрали его всенародно.

A Vertrauensmann, объяснили нам, — человек, который пользуется доверием всех членов команды военнопленных и который может в случае конфликтных ситуаций вести переговоры с немецким командованием. Задача переводчика простая — переводить возможно более точно с немецкого на русский и с русского на немецкий. И, собственно говоря, это только техническая задача. Тогда мы Vertrauensmann'ом сделали как раз Гаврилу Васильевича Хорошкова, и он был у нас самым главным. И нас троих: меня, полиция, так называемого, Родина и Vertrauensmann'a Хорошкова отделили в отдельную комнату.

Это с некоторых точек зрения было хорошо, потому что это были наиболее проверенные люди, мы могли там свободно беседовать, не опасаясь, что кто-нибудь из не очень устойчивых наших товарищей по плену чего-нибудь нам не выкинет,

а были и такие. Такой Сасеулин, например, которого наши же военнопленные заставили покаяться во всех грехах. Его прислали к нам из другой команды, соседней, с заданием выяснить, кто из команды нашей собирается бежать, кого можно было бы завербовать во власовскую армию. Получал он такие задания от гестапо. Но он все жаловался, что «я сам пролетарского происхождения, что немцы меня били по пяткам палками бамбуковыми, пока не заставили работать на гестапо. Пожалуйста, меня не убивайте, потому что я буду сообщать вам все замыслы немцев». Мы не устояли перед такими заявлениями, а что делать, и он некоторое время честно сообщал про все новости.

Н.Ф.: А потом его судьба какая, его перевели в другое место?

И.В.: Ох! Потом всех перевели в разные места, и меня, в частности, перевели в другое место, поэтому я не знаю, как там дальше события развивались с Сасеулиным. Но у нас ему устроили допрос по всей форме, и допрашивал его Патий Василий Григорьевич, кажется, его звали. Нет, как-то иначе. Он сам был начальником СМЕРШа одной из дивизий, между нами говоря.

Н.Ф.: Но это немцы не знали?

И.В.: Немцы, конечно, этого не знали. Но он допрашивал Сасеулина на общем собрании команды.

Побеги

Значит, остался я по просьбе трудящихся в должности переводчика, ее и выполнял. Правда, должен сказать, плохо выполнял, и немцы, и мои друзья военнопленные сочли, что нужно меня заменить кем-нибудь другим. И меня отправили в другую команду, в этот Нойдек, где мы работали на этот раз уже не на фарфоровой фабрике. Там был Metallwerk, оборонный вообще-то завод. Когда-то там была слесарная мастерская, владелец этой слесарной мастерской разбогател, расширил мастерскую, она превратилась в завод. Потом у него филиалы были выстроены в Западной Германии, а не в Чехословакии, в Гельзенкирхене.

Н.Ф.: Как звали этого человека?

И.В.: У меня вылетело из головы. Но у меня где-то записано, так что я должен помнить. Извините, пожалуйста, что я эти фамилии забываю.

Н.Ф.: Вы так много помните, что это вообще замечательно.

И.В.: Если поднатужиться, то я, конечно, вспомню, как его звали. Он был типичный пример капиталиста, который из простого рабочего трудяги вырос, так сказать. Какая-то у него была мастерская, в которой он был жестянщик. И они там чинили. Но постепенно у него дела шли в гору, в конце концов, он несколькими крупными предприятиями владел.

Н.Ф.: Через какое время уже вас отправили?

И.В.: Это потом было, через два года.

Н.Ф.: Так что мы еще не закончили с местом, где вы были с Хорошковым?

И.В.: Нет, еще не закончили. Мы здесь были 42-й год, 43-й год и начало 44-го. А меня переправили в Нойдек только в конце 44-го года.

Н.Ф.: А этот побег, который готовил...

И.В.: Да, побег удался, осуществился. Виктора (его Виктор звали, это я помню, фамилию потом вспомню)... я увидел, его портрет, в одной из центральных газет, это были уже годы 60-е или 70-е. Было сообщение о том, что в Горьком начали двигаться по Волге суда на воздушных подушках, и одним из капитанов был Виктор. Полуэктов его фамилия. Виктор Полуэктов, фотография его была приведена, он там фигурировал в качестве одного из капитанов судов на воздушных подушках, который в Горьком работает, на Волге.

Н.Ф.: «Заря» назывались эти суда.

И.В.: На фотографии был точно он.

Н.Ф.: Но это не значит, правда, что побег удался, потому что он мог просто выжить в лагерях, всяко могло быть, тысяча, много тысяч километров пройти мог, у чешских партизан оказаться, и там пройти войну.

И.В.: Тут много всяких вариантов. Одно только, уже в конце войны мне стало известно. Такойлетчик-штурман Иванов, Иван Павлович, по-моему, его звали, который после Полуэктова работал в этой же слесарной мастерской и тоже нам последние сообщения от советского информбюро сообщал. Он тоже бежал, в конце концов, а потом уже после окончания войны мы с ним вместе проходили спецпроверку в Опухликах, и там он мне объяснил полностью, что Фогель и Попп очень хорошо организовали побеги. Они хорошо знали не только наземную часть, но и подземную часть этой фабрики фарфоровой, и там специально соорудили помещения, где можно было переждать беглецу некоторое время под их присмотром. И все, кто бежал, все бежали с их помощью — Фогеля и Поппа. Сначала их прятали в этом подвале.

Н.Ф.: Они там пережидали?

И.В.: Пережидали, пока гестаповцы с собаками (приезжала обычно целая команда гестаповцев с собаками) бегали по фабрике и искали. И когда они, не найдя, прекращали поиски, после этого Фогель и Попп препровождали тех, кто бежал, в соседний пункт к своим знакомым хорошим, тоже антифашистам, и передавали им с рук на руки беглецов. Так бежал Полуэктов, так бежал сам Хорошков. Он бежал не один, там их несколько человек было. Такой еще Строевьев и Дмитриев, ленинградец. Они бежали целой компанией. Все это было организовано Фогелем и Поппом.

Н.Ф.: В тот раз, когда вы отказались, тогда бежал один Виктор Полуэктов в одиночку?

И.В.: По-видимому, в одиночку. Но тут была целая организация, видимо. Потом мы имели сведения о многих бежавших от тех, кого все-таки ловили. Тех, кого ловили, их направляли в штрафной лагерь. Был такой штрафной лагерь, специальный, куда направляли тех, кого поймали.

Н.Ф.: А как вы получали сведения из штрафного лагеря?

И.В.: Из штрафного лагеря? Был еще и лагерь обыкновенный, Weiden, куда направляли заболевших пленных. Тех, кто нуждался в медицинской помощи, направляли в этот лагерь, там наши медики из военнопленных же оказывали помощь, какую могли. И там была связь не только со всеми рабочими командами, туда и просто из рабочих команд попадали. Оттуда, получив нужную медицинскую помощь и мало-мальски поправившись, можно было попасть обратно в команду или попасть в другую команду, таким образом связь была налажена между разными командами. Мы-то из Хаммельбурга попали в рабочие команды, Хаммельбург — шталаг 13D назывался.

Потом таким центром стал Вайден, и связь команд друг с другом осуществлялась через Вайден. А вообще побеги, насколько нам стало известно более-менее, успешно продолжались до границы с Польшей, потому что многие чехи тоже помогали, конечно, поэтому до Праги и дальше до границы Чехословакии с Польшей просто предавали друг другу пленных, а для тех там убежища были подготовлены. А вот в Польше дело обстояло хуже. Поляки там были разные: была Армия Крайова, была Армия Народова, я уж сейчас и не помню, какая из них была советская, какая — антисоветская. Поэтому, например, Варшавское восстание сомнительной репутацией пользовалось, потому что оно как-то не вовремя произошло и не очень-то просоветским было.

Н.Ф.: Совсем не просоветским.

Отношения, досуг и быт в плену

И.В.: Вроде так. Ну, разные случаи бывали, конечно. Когда мы были в Нойдеке, в нашу рабочую команду привели одного пленного беглеца, он попал в плен уже в конце 44-го года. И попал в Словакию. Он рассказывал, что вообще-то вторично уже в плену был, потому что первый раз бежал из плена. Сам он был словак и, в общем, оказался в Советском Союзе. Там он записался в партизанский отряд, который формировался на сельскохозяйственной выставке, на ВДНХ, и который потом сбросили на парашютах в Словакию. Он жаловался (это было знаменитое словацкое восстание 1944 года, кажется), что у них не было танков, не было артиллерии против немецких войск, которые были брошены на подавление восстания. А они там считались повстанцами и привлекали местное население в этот партизанский отряд. Одним словом, они долго держались в Словакии, а потом все-таки он попал в плен к немцам, а они привели его к нам в нойдековскую рабочую команду. И он нам начал говорить: «Я, вообще-то, бежал от немцев потому, что хотел попасть во власовскую армию».

Н.Ф.: Он бежал?

И.В.: Да, он бежал. Так он объяснял немцам свое желание бежать — что он убежал от них потому, что записался там, якобы, во власовскую армию, но ему долго никаких ответов не было, и он решил, что сам убежит и запишется во власовскую армию. Наши ребята военнопленные были шокированы таким оборотом дела, уговаривали его: «Ну, зачем же ты будешь во власовских писаться?».

Н.Ф.: А по-русски он говорил?

И.В.: По-русски он говорил довольно прилично.

Н.Ф.: То есть какое-то время он жил в России раньше?

И.В.: Какое-то время он жил в России, а потом был сброшен на территорию Словакии. Не знаю, он, по-моему, нашим в конце концов стал поддакивать, дескать, ладно не буду я, но немцам он продолжал говорить, что хотел быть власовцем, очевидно, надеясь что это спасет ему жизнь, может быть. Поймали все-таки участников словацкого восстания.

Н.Ф.: А как его звали, не помните?

И.В.: Не помню, он не говорил, как его звали, а мы не интересовались. Но для нас было ново, что партизанские отряды, оказывается, формировались на Выставке достижений народного хозяйства в Москве.

Н.Ф.: Полузтков бежал — это был еще 42-й год или начало 43-го?

И.В.: 42-й еще.

Н.Ф.: То есть довольно долго вы там были переводчиком?

И.В.: Довольно долго, да, до 44-го года, когда немцы меня избили за то, что я отказался бить военнопленных, своих коллег.

Н.Ф.: Из своего же?..

И.В.: Ну да, из нашей рабочей команды.

Н.Ф.: Это когда было примерно?

И.В.: Это было примерно в сентябре 44-го года. Тогда уже с большой помпой немцы объявили, что они вели переговоры с генералом Власовым об облегчении участи советских военнопленных и решили уравнивать их в правах с военнопленными других национальностей и государств. Но тут было по-разному, конечно. Например, французских военнопленных они обвели вокруг пальца очень хитро. Петен якобы добился от Гитлера, чтобы он освободил всех французских военнопленных, но при условии, что они будут продолжать работать на немецких предприятиях, где они работали в качестве военнопленных,

но теперь уже в качестве простых рабочих, гастарбайтеров, так сказать. Что лучше, что хуже — сейчас сказать трудно, но во всяком случае так. Более того, правительство Петена, которое в то время правило Францией, но в тоже время подыгрывало немцам во всем, было обязано взамен одного освобожденного таким образом французского военнопленного прислать добровольно двух гражданских рабочих.

Н.Ф.: То есть они в результате получили трех рабочих, сам военнопленный оставался, и еще двоих?

И.В.: Да, вот такой был способ. Были пайки уравниены и, например, писали, что советские военнопленные будут получать теперь, как и другие, ежедневную порцию, паек, в него будет входить 7,135 грамма маргарина. А раньше не был положен маргарин, оказывается. И примерно такая же порция была конского мяса.

Н.Ф.: Такой кусочек величиной с ноготь, наверное?

И.В.: Какой-то такой кусок... особенно эти 135 тысячных грамма всех нас умиляли. Все, кто читал это объявление (оно было отпечатано на русском языке и повешено во всех гефангенских лагерях, в том числе и в нашем), прочитав его, иначе как русским матом не могли и не умели своих чувств выразить, по поводу этих 7,135 граммов. Уравнение в правах...

Н.Ф.: Я так понимаю, все-таки самый сложный момент, кроме того, что отношение вообще было плохое, что Красный Крест посылки не присылал?

И.В.: Бывало, и присылал. Помню, что у нас был такой Мартышевский. Мне, как переводчику, деликатную операцию приходилось выполнять. Был у нас среди охраны молодой парень, немец, сын владельца одного гестхауза, ресторана. Как он скромно говорил: «Я работал у своего папы кельнером».

Н.Ф.: В гостинице работал?

И.И.В.: Ну да, гестхауз мог быть и гостиницей, мог быть и рестораном. В общем, в том заведении у отца работал кельнером. Допустим, его очередь охранять военнопленных. Он всех запирает и сам запирается в компании, главным образом, со мной, переводчиком, с нашим полицаем усатым, Родиным, с Гаврилом Васильевичем Хорошковым, и светские разговоры пытался вести. Ну, например про кино. Перед войной у нас в СССР стала очень популярной венгерская актриса Марика Рёкк. Была такая картина «Петер», картина «Маленькая мама»³, где Марика Рёкк играла европейскую девушку, которая подвергается разным сложным ситуациям и испытаниям, которая становится мамой, и у нее всякие сложные обстоятельства.

³ И.В. ошибается, в этих фильмах играла Франческа Гааль.

Эта картина демонстрировалась у нас в Москве. Мы видели ее, это было незадолго перед войной. Венгерская фирма «Уфа» выпускала эти картины. Но они, оказывается, пользовались популярностью и в Германии тоже. Он обсуждал эту картину, оказывается в Германии выходили и другие картины с участием Марики Рёкк. Этот охранник рассказывал нам о таких картинах. Потом, оказывается, он с большим интересом смотрел какую-то кинокартину (вроде той же венгерской фирмы «Уфа»), где описывался, в частности, знаменитый Венский конгресс 1814 года, где он восхищался, дескать, сколько там участвовало важных лиц: и императоры там были, и графы были.

И тут его заинтересовало: «Русские графы все с фамилиями на “ский”, а, скажи, в вашей команде есть кто-нибудь из пленных, у которых фамилия на “ский”? А ну-ка, покажи мне список нашей команды». Делать нечего, показываю ему список. «Ага, Мартышевский, есть один, Выговский, есть другой. А ну, подать сюда Мартышевского и Выговского». Срочно надо разыскать Мартышевского и Выговского, разыскиваю. Когда кого-то разыскивают и зовут к начальству, первая мысль такая, что, дескать, бить будут. Прибегает Мартышевский, и у него на лице написано, что не иначе, как бить будут. И тут ему неожиданный вопрос через меня немец задает: «Спроси его, он не граф случайно?» Я спрашиваю его по-русски: «Ты случайно не граф?».

” Представляете, человек прибежал, его требуют немцы зачем-то, не иначе, как бить будут, ожидать он мог чего угодно, и тут его спрашивают, не граф ли он. Он не знает, что отвечать, и на меня поглядывает, подскажи хоть что-нибудь.

Оказывается, что не граф. Мартышевский вообще такой мужичок был — единственный человек из нашей команды, которому через Красный Крест пришла посылка продовольственная: какой-то кусок пирога ему прислали, он потом всем давал его попробовать. Хотя он уже состарился, этот пирог, но нормальный пирог, обычный, ничего такого. Вот через Красный Крест ему пришел кусок пирога.

Н.Ф.: А Выговского он тоже допрашивал?

И.И.В.: А что касается Выговского, тот, вообще-то говоря, уж очень похож был на еврея и, вполне возможно, что он и был евреем. Он тоже прибежал и тоже страшно напуганный, и тоже ему такой же вопрос: «Скажи, не граф ли ты?» Оба оказались не графами, во всяком случае, сказали, что они не графы, что очень разочаровало нашего обер-ефрейтора. Но перед этим он восхищался, что у русских тоже много разной знати было, графы, которые участвовали в Венском конгрессе.

Н.Ф.: То есть были добродушные... Но, наверное, разные были?

И.И.В.: Всякие были люди. И в разные эпохи они по-разному себя вели, конечно. Допустим, когда вдруг итальянцы расторгли договор с Гитлером, правительство Бадольо, по-моему, в Риме. И тогда Гитлер в ответ на это приказал интернировать всех итальянцев, какие в его власти оказались. Они все перешли на положение военно-интернированных, практически такое же, как и военнопленные. Все они были в темно-зеленых мундирах, возможно, не итальянского происхождения, я точно не знаю. Но им на спину для отличия поставили темно-красный треугольник — так отличались итальянские интернированные. У нас с ними как-то отношения не очень налаживались.

Н.Ф.: Они работали на том же производстве?

И.И.В.: В особенности мы с ними сталкивались в Нойдеке. В Нойдеке, кроме советских военнопленных, работали французские, работали итальянские военно-интернированные, работали украинские рабочие, гражданские. Там была отдельная такая у них организация, у них была своя переводчица, которая однажды попала в очень трудное положение, я ей не завидую. В той команде я уже переводчиком не был. Там была такая ситуация: приехали власовские агитаторы и организовали прослушивание выступления по радио генерала Власова. Всю нашу русскоязычную публику, то есть гражданских рабочих, угнанных на работу в Германию, советских военнопленных, это нас, офицеров бывших, кого-то еще. Нас всех согнали в помещение столовой, включили радио, и Власов произнес речь, где призывал всех с оружием в руках выступить на борьбу с большевизмом. Было музыкальное сопровождение... Власов решил в своей речи помянуть добрым словом товарищей, которые отдали свои жизни, борясь с оружием против большевизма. По радио сыграли какой-то траурный марш, и переводчица, которая присутствовала при этом, гражданская, командовала своим гражданским рабочим, которых она опекала, что нужно всем встать, чтобы почтить память тех, кто погиб в борьбе с большевиками. Они встали, а мы сидим, военнопленные, чего еще мы будем поминать добром тех, кто погиб в боях с советской армией. Мы сидим, а немцы, охрана, которая тоже тут присутствовала в большом количестве на всякий случай, они неправильно поняли, что переводчица всем командовала встать, а мы сидим, значит, мы не слушаем ее и не выполняем ее команды, значит, мы чем-то проштрафились. Они тут же начали орать, набросились на нас с прикладами, стали нас колотить и требовали, чтобы мы тоже встали.

Н.Ф.: Может, они хотели, чтобы вы почтили их?

И.В.: Они не поняли, что нужно почтить. Они поняли, что нужно встать и решили вообще, что закончилась передача, потому что Власов перестал говорить. А тут какие-то траурные мелодии стали исполняться, они решили, что нужно встать и разойтись, кончилась передача, и нас прикладами стали выгонять из этой столовой. Переводчица поняла, что они ни черта не поняли, и пыталась им объяснить, что «не надо их разгонять, пусть они остаются на местах, но только встанут, а потом сядут обратно». Тогда они начали обратно загонять нас этими прикладами. Ну, куда нам деваться, против приклада ничего не сделаешь голыми руками. Нас обратно привели, мы обратно уселись. Вот такой рассказ.